

— Ты очень красивая. —
Потом мрачно добавил: —
И желанная! Слишком...
— Может, проклятие,
которое ты насморком
посчитал, не снялось? —
осторожно спросила я,
пытаясь беспечно
улыбнуться.

СВЕТЛАЯ И ТЕМНЫЙ

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

Annotation

Всем известно, что любая неудачливая попаданка, оказавшись в другом Мире, всегда становится обладательницей тела самой умной, самой красивой, самой сильной. Словом, самой-самой. И тогда у ее ног оказывается весь этот мир в комплекте с великолепным возлюбленным.

А что делать, если оказалась в теле давно и окончательной спятившей Светлой, да еще выданной замуж за сурового и безжалостного Темного Мага?

Конечно же, искать светлые стороны в темной душе зловещего супруга. В конце концов, даже Маг Смерти хочет быть счастливым и не будет против разумной и преданной жены.

Ольга Гусейнова

Светлая и Темный

© Гусейнова О., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

За окном зажегся уличный фонарь, известив, что наступил вечер — пора прекращать тяжелые раздумья и спешить домой. Маршрутка подошла сразу. В салоне народу было немного, и я присела, набегавшись за день.

Мимо бежали, мелькали огни вечернего города, в окнах домов то тут, то там загорался теплый свет. По салону разносились мировые новости — это водитель громко включил радио. Как назло, всюду взрывы, локальные войны, террористы, экстремисты, грипп, голод. Настроение, и без того неважное, вовсе упало ниже плинтуса. Я люблю жизнь, уважаю и чужую, но, слушая такие новости, начинаю бояться за свою собственную. Особенно когда за тебя некому заступиться в нашем равнодушном, а порой жестоким мире.

От мрачных мыслей отвлекла кондуктор, которая, молча глядя на меня, ждала денег за проезд. Достав из кармана заранее приготовленную мелочь, я заплатила, затем, взглянув ей в лицо, заставила себя мысленно встряхнуться. Не хочу выглядеть, как она: смиренной, уставшей, словно безжизненной. Робот, а не человек. Судя по всему, эта незнакомая женщина не жила — существовала. Может, не умела, а может, не хотела искать в окружающем мире положительные стороны или яркие краски. Стало жаль ее.

Мы с кондуктором дернулись от того, что автобус неожиданно прибавил скорость. Я заметила желтый отсвет в лобовом стекле и поняла: водитель решил проскочить перекресток в последний момент. Женщина чуть слышно выругалась, хватаясь за поручень у меня за спиной, а затем краем глаза я увидела огромную тень «КамАЗа», несущегося прямо на нас.

«Видимо, водитель многотонной махины тоже решил проскочить на желтый свет...» — эта логичная мысль была последней. Чудовищный удар в кабину и салон автобуса, сопровождаемый жутким скрежетом металла, выбил из меня не только мысли. Затылком я ударилась о локоть кондуктора, чудом избежав перелома позвоночника. Все это сознание отмечало за доли секунды.

Пассажиры закричали. Автобус начал сжиматься словно гармошка, передние сиденья, отрываясь от пола, наезжали на задние. Я ощутила, как невероятная по силе боль разливается от коленей и выше: либо оторвало ноги, либо основательно размозжило колени. Сознание почти отключилось, остались лишь чувства и ощущения. Боль в ногах перекинулась на левую руку, полоснула по щеке, затем застряла в груди, не позволяя вдохнуть, с чудовищной силой раздирая все тело. Нос заполнил запах крови, я чувствовала, как она заливает лицо. А еще вслед за вытекающей кровью в тело начал проникать лютый холод.

В момент, когда боль исчезла совсем и остался сплошной обволакивающий холод, я поняла: это все! Для меня на этом свете все закончилось, а самое обидное, что даже картинки из оборвавшейся жизни не промелькнули, как водится. Неужели нечего было посмотреть или вспомнить?

Неведомо откуда я точно знала: мое тело уже умерло, а душа рыдала по несбывшемуся, непржитому и неиспытанному. Вскоре и последние ощущения начала поглощать тьма. Странное чувство, когда еще не погасшая частица сознания бьется в истерике и упорно цепляется за фактически уже ускользнувшую жизнь, не давая крошечной искорке полностью раствориться в темноте. Я боролась с отчаяньем смертника, который знает, что бой проигран, но пока дышит, не прекращает сопротивляться. Именно эта толика моего сознания

каким-то образом искала выход из пустоты, безмолвно кричала. Так, должно быть, утопающий судорожно барахтается в глубине, пытаясь выбраться на спасительную поверхность в поисках глотка воздуха.

Я не увидела, а скорее ощутила разрыв в темноте. Что-то непонятное пронеслось мимо меня, обдавая новой волной пугающего холода, странным, жутковатым облегчением и мрачным безумным удовлетворением. А в месте разрыва и выхода этого непонятного источника загадочных чувств и «живых» эмоций я уловила чье-то тепло и устремилась к нему. Не важно, чье оно! Важно, что там тепло, а не как тут — темно и жутко!

Я скользнула в потусторонний «разрыв», и меня сперва обдало живым теплом... А затем вернулась боль, вспыхнувшая с такой силой, что я начала задыхаться, как совсем недавно вроде бы. Но только в этот раз мой судорожный вдох принес не только боль, но и облегчение. Я могла дышать! А боль... боль означала, что я все-таки жива. Боль оказалась моей союзницей в борьбе за жизнь, ведь я держалась за нее как за спасательный круг. Только теперь, когда я поняла, что могу дышать и чувствовать, я позволила тьме укрыть кроху своего сознания. Почему-то была уверена, что худшее осталось позади, а борьба за жизнь выиграна.

Глава 1

Я в сопровождении няни быстро шла по пугающе пустому коридору. Света свечей едва хватало, чтобы раздвинуть окружающую темноту. Гулкий звук моих шагов эхом возвращался из казавшегося бесконечным каменного тоннеля. Хорошо, что рядом шаркала разношенными башмаками старенькая женщина, жилистой морщинистой рукой держась за мое плечо. Перед высокими двустворчатыми дверями я сжалась от страха, а няня Сальма едва слышно прошептала:

— Будь хорошей девочкой, Сафира. Не зли его лишний раз. Пока не пойдем, что там произошло, рта не раскрывай.

— Хорошо, няня, — послушно ответила я.

Прилагая усилия, старушка отворила передо мной одну из тяжелых дубовых створок, подтолкнула вперед, сама зашла следом, но осталась стоять у входа. В этой неизменно жуткой для меня комнате оказалось неожиданно много народа. Не смея поднять глаза от пола, я по обуви и нижней части одежды присутствующих смогла определить, что в спальне отца находятся трое драков, четверо слуг-людей мужского и женского пола и старая знахарка Нона, которая жила в лесу за замком, но являлась по первому зову его владельцев.

В нос ударил уже знакомый запах крови. Не успела я предположить, почему в спальне отца так пахнет, как услышала его скрипучий усталый, но все равно злой голос:

— Сафира, подойди.

Я не посмела послушаться, хотя от страха подгибались колени. Где же мамочка? Она всегда старалась находиться рядом, когда отец желал видеть свою — пока! — единственную дочь и наследницу. По-прежнему не поднимая взгляда от пола, медленно приблизилась к огромной кровати с тяжелым бархатным балдахинном, подобранным золотыми плетеными шнурами.

Набравшись смелости, я посмотрела на отца и задрожала от ужаса. Он лежал облаченный в белую рубаху, до паха прикрытый цветным покрывалом. Я не видела лица, мой взгляд был прикован к окровавленным тряпкам в низу его живота. Нона принялась менять повязки, и касания сильно пахнущей травами влажной тряпицы заставляли отца стискивать зубы и с шумом втягивать воздух. При этом он резко выбросил руку и, больно впиваясь ногтями, подтянул меня к себе и с ненавистью зашипел:

— Полнуйся, доченька, что твоя мать с твоим отцом сделала. Пыталась зарезать меня, лживая сука... хотела прервать мой род. Великий род драков Дернейских!

Не смея посмотреть ему в лицо, я рванулась прочь, но он крепко сжимал мою руку. Рыдания подступили к горлу, слезы готовы вот-вот вылиться наружу. А в голове бьется лишь одна мысль: «Где мамочка?»

Знахарка прикрыла тряпочку, пропитанную лечебными травами, парой толстых и сухих, и хрипло произнесла:

— Мой лорд, вы сильный драк, и эта рана больше не угрожает вашей жизни — я уж позаботилась. Берегите свое единственное дитя. Леди Амалия выполнила угрозу — больше вы не сможете зачать потомство.

Отец с ненавистью оттолкнул меня, да так сильно, что я больно ударилась об пол. Начала приподниматься на руках, но тут, неожиданно заглянув в проем между полом и днищем кровати, заметила с другой стороны комнаты роскошное желтое платье матери.

Затем, застывая от ужаса, поняла, что напротив лежит ее окровавленное тело. На меня смотрели не прежние золотистые мамины глаза, а мертвые, тусклые, серовато-желтые. Крик застрял в горле, когда отец яростно прошипел:

— Будь ты проклята, Амалия! Будь уверена, я найду способ отомстить тебе... — Голос его сочился ненавистью, словно ядом. Отец немного помолчал и после передышки озвучил, видно, только что пришедшую в голову идею: — За твое предательство ответит дочь. Я позабочусь, чтобы она прожила достаточно долго, чтобы успеть продолжить мой род. Но каждый день она будет проклинать тебя, Амалия!

Раненый несколько раз судорожно, болезненно вдохнул и выкрикнул:

— Сатис!

— Я здесь, лорд Калем! — откликнулся стоявший неподалеку мужчина, тут же направившись к кровати.

Перед моим лицом возникли огромные начищенные сапоги. Заставив меня задохнуться от боли очередной потери, отец приказал их хозяину:

— Сальму выкинуть за ворота замка. Моя дочь достаточно взрослая, чтобы самой заботиться о себе. Оставить только гувернантку. Драка из рода Дернейских не может быть безграмотной и невоспитанной.

Старая няня метнулась мимо меня, рухнула на колени перед кроватью своего лорда, протянув к нему руки, взмолилась:

— Лорд Калем, пожалейте, она же ребенок, ей всего пять лет! Она не может отвечать за грехи леди Амалии, ведь Сафира — ваше дитя, плоть от плоти!

— Замолкни! — глухим от злобы и физической боли голосом приказал лорд.

Сатис схватил за шиворот Сальму и поволок прочь из комнаты. Старая женщина никак не могла подняться на ноги, путаясь в длинных юбках, плакала и прощалась со мной взглядом. Не знаю, что произошло дальше, передо мной все еще стоял мертвый взгляд мамы и горестный — няни. В один миг я лишилась всех, кого любила и кто любил меня. По спальне отца разнесся высокий пронзительный детский крик, наполненный болью и отчаянием, и когда чья-то оплеуха вновь свалила меня навзничь, поняла, что кричала именно я.

* * *

Наверное, этот печальный душераздирающий крик маленькой девочки по имени Сафира, потерявшей в один день мать и няню, и заставил очнуться, вырваться из тьмы, так долго окружавшей меня.

В нос ударил запах горящих смолистых поленьев — такой же, как у нас на даче, когда папа разжигал камин в сырую погоду, — а еще восковых свечей и застарелого пота. Не в силах открыть глаза, прислушалась к своим ощущениям: невероятная слабость охватила все тело, словно я — желе, готовое растечься в любой момент, стоит только пальцем пошевелить. В области солнечного сплетения сильно болело. То ли живот, то ли грудь — сложно разграничить. Но мне кажется, именно эта выворачивающая наизнанку боль, став моей невольной союзницей, помогла удержаться и не вернуться в тот «разрыв», не раствориться в темноте...

Неожиданно надо мной что-то зашуршало, потом раздался женский голос. Из короткого

предложения я сначала не поняла ни слова — язык был странным, совершенно незнакомым. Чья-то рука почти невесомо коснулась моей, погладила предплечье. Снова кто-то начал говорить, и в этот миг у меня в голове будто щелкнуло — я начала различать отдельные слова. И чем дальше говорил этот тихий голос, тем понятнее становилась чужая речь, словно всплывала на поверхность из глубин воспоминаний. Последние слова я точно поняла:

— Посмотри на меня, дитя мое! Всевышний простил тебя; все изменится к лучшему, грехи остались в прошлом, небесные врата закрылись пред тобою; тебя вернули на грешную землю.

Открыв наконец глаза, я уставилась на обращавшуюся ко мне женщину. Передо мной на краешке кровати сидела, судя по одеянию, монахиня — в черной сутане-балахоне, темном платке до плеч, завязанном под подбородком тесемочками, — натруженной суховатой ладонью поглаживая меня по обнаженной руке и успокаивающе воркуя.

Я сфокусировала взгляд на лице незнакомки, покрытом тонкой сеточкой скорбных морщинок, и посмотрела в ее полные печали глаза. Встретив доброжелательный взгляд, я судорожно вдохнула, от чего место, где обосновалась моя союзница-боль, вновь вспыхнуло. Прилагая невероятные усилия, я с трудом приподняла удивительно тяжелую руку и дотянулась до места сосредоточения боли. Правда, не острой, а глухой, застарелой. Так и есть — под одеялом чувствовалась повязка. Кроме того, с каждой секундой я все лучше ощущала свое тело, но в то же время происходящее воспринималось как нереальное. Вроде бы вижу, ощущаю, но что-то идет не так... Но вот что именно?..

Заметив, что я пошевелилась, женщина быстро затараторила, немного наклоняясь надо мной:

— Не волнуйтесь, миледи, рана заживает. Кризис миновал. Это чудо, что вы выжили. Вы перестали дышать, сердце не билось, даже свеча потухла. Я начала молиться за вашу душу, и в этот момент свеча сама... сама вновь загорелась. Неожиданно вспыхнула, да так ярко, высоко, а следом вы закричали и очнулись. Это настоящее чудо! И в нашей обители... Вторые сутки вас караулим, и вам с каждым часом становится лучше.

Я слушала загадочную женщину, а в душе нарастали страх и непонимание. Попыталась громко спросить, но получилось сипло прокаркать:

— Где я? И почему не в больнице?

Теперь пришла очередь монашки округлять глаза и с непониманием смотреть на меня. Она осторожно произнесла:

— Простите, миледи, я не поняла, что вы сказали.

Надо мной неожиданно склонилась совсем молоденькая — даже, пожалуй, юная — девушка, не старше шестнадцати лет. Одета в старенькое застиранное коричневое платье, которое туго обтягивало ее стройную, как мне показалось, чересчур худую фигурку. Голову девушки тоже укрывал плат, но из белой ткани, похожей на лен. С тревогой всмотревшись в мое лицо, она приподняла мне голову и попыталась влить в рот немного воды. В горле действительно ощущалась пустыня Сахара, поэтому я сделала судорожный глоток, потом еще один и еще. Даже эти действия утомили невероятно, на подушку я опустилась также с помощью девушки и закрыла глаза, пробормотав:

— Спасибо.

— Я не понимаю, что она говорит. Ты не знаешь, на каком языке сейчас говорит твоя госпожа? — Голос монашки звучал недоуменно.

Затем я услышала мягкий журчащий голосок, который явно принадлежал девушке:

— Не знаю, сестра. Я тоже не понимаю, что она говорит. Может, лихорадка окончательно повредила ей голову?

Мне стало страшно до ужаса. Я не понимала, что вообще происходит. Где я нахожусь? Как сюда попала? Где врачи и папа? Паника накатила удушливой волной, вынудив глубоко вдохнуть. И вновь боль вернула здравомыслие и заставила успокоиться. Я — Светлана Захаркина, мне двадцать шесть лет, русская, работаю заведующей сектором в научной библиотеке Энского государственного университета, а дополнительно преподаю дисциплины «Библиотечное дело» и «Документоведение» у студентов первого курса. Оба предмета я вела уже четыре года. Как только эта информация легко и непринужденно всплыла в сознании, стало чуточку легче. Затем я вспомнила, как, привычно припозднившись, покинула университет и села в автобус. Дальнейшее вызвало новый приступ боли во всем теле. И очередную волну паники.

Не открывая глаз, я попыталась правильно сформулировать вопрос и... опять провалилась в воспоминания...

* * *

Огромный каменный зал с длинными столами и лавками, за которыми пируют несколько мужчин, оглушительно звеня металлическими кубками. Вино льется рекой, доносятся крики служанок, которых распаленные охотой и возлияниями рыцари заваливают где придется и насилуют...

Я стою, не отрывая взгляда от пола, опустив руки и сжав кулаки, спрятанные в складках платья. В голове бьется лишь одна мысль: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...»

Ехидный голос отца прерывает мои никому не слышные стенания:

— Сафира, подойди ко мне!

Колени дрожат от страха, но послушаться лорда Калема куда хуже. Посадит на хлеб и воду в темный подвал. Подхожу к его огромным сапогам, останавливаюсь, по-прежнему глядя вниз. Отец поднимается со стула и возвышается надо мной, подавляя, угрожая... А я, дрожа от страха и упорно глядя в пол, жду...

— Ты опоздала, дочь моя! — раздается над моей головой. — Не встретила гостей, как полагается хорошей хозяйке. Нарушила правило. Хочешь, чтобы потом говорили, что драки Дернейские грубы? Не уважают соседей? Или ты проявила неуважение лично ко мне?

Пощечина опаляет щеку, от удара меня отбрасывает в сторону, на каменный пол, прямо в объедки, брошенные собакам. Их отец почему-то любит больше меня. А я ненавижу их, всех ненавижу. Особенно после того, как отец, едва оправившись от нанесенных мамой ран, заставил меня смотреть на травлю Алого, ее любимого коня. Этот урок я усвоила на всю жизнь: ни к кому и ни к чему нельзя привязываться.

А отец между тем издевательски советует:

— Береги голову, доченька, твоя красивая мордашка нам еще пригодится.

* * *

От жутких галлюцинаций меня избавили чьи-то ласковые руки, обтиравшие мокрой тряпкой мое лицо. Я открыла глаза и смогла в упор посмотреть на склонившуюся надо мной уже знакомую юную девушку со странными глазами. Кто она, почему заботится обо мне, почему у нее глаза такие? Мыслить ясно и уловить, в чем же их странность, я была не в силах.

Девушка вновь приподняла меня за плечи, а монашка протянула глиняную чеплашку со словами:

— Миледи, выпейте бульона, хоть немного — вам должно полегчать. Вы уже вторую неделю ничего не кушаете. Кожа да кости остались. Теперь, раз все прошло, нужно обязательно кушать, тогда и сил прибавится. И выздоровеете быстрее.

Я послушно начала глотать вкусный, как тут же выяснилось, бульон. Похоже, куриный. Выпив все до капли, даже облизнулась, и в животе сразу стало тепло и сыто. Силы оставили меня, и я вновь погрузилась в темноту, услышав довольный голос монашки:

— Ну вот, Ноэль, видно, твоя госпожа выцарапала свою жизнь у смерти. Ест — значит, идет на поправку.

Темнота, окутавшая меня, из уютной снова превратилась в жуткую, выворачивающую сознание наизнанку. Как всполохи, в моей памяти проявлялись все новые и новые видения. Темные, мрачные подземелья замка... Вроде бы хорошо знакомые... Но сейчас, блуждая по ним в своих видениях, я словно заново их запоминала. Всплывали лица людей: конюхов, старой экономки, похожей на Бабу-ягу из сказки, пугливых горничных... Будто в фильме о средневековой Англии. Но лица у всех «персонажей» порочные, глумливые или пустые, со следами страдания, озлобленности на весь белый свет. Это не замок — сумасшедший дом. Гремели латы, ворота во дворе скрежетали, я видела множество разных ног, сапог, штанов, разноцветных юбок — шелковых и красивых или замызганных и поношенных. Мой взгляд почти никогда не поднимался выше талии, не отрывался от каменных плит пола.

Я все блуждала и блуждала по замку, не в силах найти выход из этой чудовищной сказки-лабиринта. А вслед мне летел яростный рев отца: «Сафира... Сафира...» Кому он кричал: мне ли, этой ли девочке Сафире? Сложно понять. Кто из нас непрерывно шептал «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...», определить было еще сложнее.

Очнулась я, продолжая твердить это «не хочу!». И только спустя какое-то время, после того как пришла в себя, сообразила, что шепчу на загадочном языке, на котором говорили и люди в видениях, и монашка, и девушка. Значит, их объединяет речь... язык... а может, все виденное ранее — тоже бред... галлюцинации от наркоза или высокой температуры. Несомненно, я в больнице, вот только открою глаза — и увижу белые стены, персонал в униформе... И все снова встанет на свои места. А может, авария, автобус, «КамАЗ» и я, боль и тот разрыв, и то черное холодное, но странно живое пятно, вылетевшее оттуда, от которого несло сумасшедшинкой, и мрачной радостью, и облегчением, — все это глюки?

— Доброе утро, миледи! Давайте попробуем покушать. Сестра Аниза снова приготовила бульон, раз он вам пришелся по вкусу.

Я резко распахнула глаза. На краешек моей кровати присела та же девушка в потрепанном платье старинного фасона — со шнуровкой по бокам. По-моему, она из него уже выросла, но по какой-то причине продолжает носить. По всей видимости сиделка, с усилием приподняв меня за плечи, подсунула под спину подушки, затем взяла с подноса, поставленного на деревянную, грубо сколоченную табуретку, знакомую глиняную чеплашку и поднесла к моим губам. Не сопротивляясь, я все выпила, но ощущение голода все равно оставалось, поэтому попросила:

— Еще!

Девушка вскинула на меня небесно-голубой взгляд, и именно в тот момент я поняла, почему мне показались странными ее глаза. Действительно, необычные: вместо нормального круглого зрачка — вытянутый, овальный. Мало того, когда тусклый свет падал прямо на ее лицо, зрачок полностью вытягивался, превращаясь в струну, словно разрезая радужку пополам.

— Еще бульона или, может, кусочек сыра, миледи? — переспросила незнакомка и заботливо предупредила: — Вам пока много есть нельзя, так сестра Аниза сказала. Она вас выходила, миледи, с того света вернула, можно сказать.

В первый момент я обрадовалась, что она меня поняла наконец, а потом осознала, что слово «еще» прозвучало не на русском. Оно будто всплыло из памяти... Не моей! Не в силах больше издать ни одного звука, как и не успев испугаться, просто кивнула, соглашаясь на любое угощение, а сама, прикрыв глаза, задумалась. Где-то на краю сознания вновь замелькали вспышки чужих воспоминаний, не мысли, а именно воспоминания, которые, словно разрозненные пазлы, никак не могли сложиться в единую картинку. Неужели?.. Обдумать пришедшую в голову идею не посмела, потому что представить подобное было невероятно, жутко и откровенно страшно. Особенно осознав, что конкретно всплывало в чужих воспоминаниях.

К моим губам поднесли прохладный кусочек с запахом сыра, пожевала — на вкус тот оказался похож на брынзу. Солоноватую... нежную... вполне свежую съедобную брынзу. Не открывая глаз, я съела несколько кусочков, пока не почувствовала, что больше не лезет — наелась. А еще захотелось в туалет. Снова, особо не задумываясь, на чужом языке, словно такое положение дел в порядке вещей, озвучила просьбу. Под меня подсунули деревянный тазик, чем заставили испытать неловкость и стыд, но нужда долго мучиться не дала. Вскоре я снова заснула, правда, на этот раз спала мирно, без видений.

В третий раз я проснулась от зверского голода. Опять хотелось в туалет и еще — вымыться. Все тело чесалось неимоверно, обоняние раздражал неприятный запах пота. В этот раз у меня хватило сил, чтобы внимательно осмотреть место, где я находилась. Большая квадратная комната-келья, стены, сложенные из крупного тесаного камня, узкое окно, закрытое деревянным ставнем. Я лежала на широкой кровати. Старинный камин, в котором тлели угли, расположенный напротив, рассмотрела более тщательно. На каминной полке — два больших канделябра по три свечи в каждом, но горела всего одна, сильно оплавившаяся. Возле низкой деревянной двери, входя в которую непременно нужно наклоняться, стояло несколько вместительных сундуков. На одном из них, свернувшись клубочком, закутавшись в тонкую шерстяную шаль, потрепанную временем, спала девушка-сиделка.

Подумать и оценить обстановку мне ничего не мешало: мысли были кристально чисты и голова ясная. Окружающее пространство вместе с его на первый взгляд сказочно-киношными обитателями — это не наваждение, не галлюцинация, в чем я убедилась, пару раз ущипнув себя. Я проанализировала все, что вспомнила до момента аварии. Затем перебрала мельчайшие детали увиденного после. Еще раз обвела взглядом комнату и спящую незнакомку. И только тогда осмелилась скользнуть в тот жуткий закоулок памяти, где таились чужие воспоминания. Тут же ощутила жужжащий злобный клубок событий, эмоций, чувств, переживаний — всего того, что наполняло ту, другую — не мою — жизнь. Это точно! Теперь свое и чужое я могу отличить, разграничить без проблем, что принесло огромное облегчение и придало уверенности.

Снова обвела взглядом помещение, явно не принадлежащее современному миру, в котором я родилась, и судорожно сглотнула, почувствовав, как вновь накатывает паника. Усилием воли заставила себя дышать глубоко и размеренно. И снова боль выступила в роли невольной союзницы. Пока рано делать скоропалительные выводы! Вдруг я у сектантов, староверов или еще где-нибудь, что называется, у черта на куличках. Да мало ли где... И почему?!

Осторожно, прилагая усилия, приподняла одеяло, заглядывая под него. В нос ударил противный запах давно не мытого тела. Я мысленно заворчала: «Неужели нельзя лучше ухаживать за больным человеком и помыть как-нибудь?»

Лежала я полностью обнаженная — ни белья, ни рубашки, поэтому рассмотрела если и не все, то источник боли и своего плачевного самочувствия — точно. В районе солнечного сплетения алел красный воспаленный продолговатый шрам — как от ножа.

Неужели это единственная рана, полученная мной в аварии? По воспоминаниям, меня смяло в лепешку!

Руки плетью упали вдоль тела — даже от одного движения обессилела. Я закашлялась, растревожив больное место, и от моего хриплого «карканья» отдышавшая девушка тут же подскочила как ужаленная и спросонья испуганно уставилась на меня:

— Миледи, вы проснулись? Чего-то хотите?

Я кивнула, а затем неуверенно попросила, используя чужие слова:

— Есть и туалет!

Она едва заметно вздохнула, кивнула, обулась и помогла мне с туалетом, как и в прошлый раз, используя странную посудину. Потом, закутавшись в ту же скромную шаль, быстро вышла из комнаты. Вернулась минут через пять с подносом, закрытым деревянной крышкой, похожей на тарелку, и поставила ношу на табуретку рядом с кроватью.

На этот раз сиделка принесла густую похлебку. Определить, из чего ее сварили, я не

смогла, но вкус и запах понравились. Девушка посадила меня повыше, подложив под спину подушки, и сама кормила с ложки. После обеда, а может быть и ужина: спать мне не захотелось. Зато накопилось слишком много вопросов, и я начала со знакомства:

— Как тебя зовут?

Услышав обращение, девушка замерла и уставилась на меня круглыми от изумления глазами. Бросила быстрый взгляд на дверь, словно решая, стоит ли звать подмогу, и только потом, ссутулившись, ответила:

— Ноэль, миледи!

Я переварила ее ответ, затем осторожно спросила:

— А меня как зовут?

Ноэль снова уставилась на меня недоуменным и уже явно обеспокоенным взглядом.

— Вы урожденная леди Сафира Дернейская.

Ответ показался мне равносильным удару лопатой по лбу. Показалось, даже искры из глаз посыпались, а в голове тут же набатом зазвучал голосок несчастной девочки: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу!»

Мой же голос прозвучал хрипло и чуждо:

— А сколько мне лет, Ноэль?

— Двадцать, миледи! Вы старше меня на четыре года! — ответила она и опять замолчала в напряженном ожидании.

Снова мысленный стон: «Я старше! Я старше некоей Сафиры на шесть лет и на десять — этой девушки, представившейся Ноэль». Красивое имя, переводится как «рождество» и означает предрасположенность к жизни подвижника. Что ж, имя очень подходит заботливой голубоглазой юной сиделке.

— А где мы находимся? — спросила безнадежно, уже догадываясь, что не зря я летала в темноте и стремилась в разрывы. У меня, той, крыльев не было, а это значит...

— Обитель Святой Матены, миледи, расположена на людских землях и ровно посередине между вашими землями и Темных.

Привычным жестом, как делала еще в прежней жизни, потерла переносицу, затем устало посмотрела на девушку и спросила, как в пропасть прыгнула:

— А как называется это место вообще... хм-м... весь мир?

Ноэль смотрела на меня, широко распахнув глаза, свет от свечи вспыхнул чуть сильнее, и зрачки резко вытянулись в струнку. Не привиделось! Это не человеческие глаза! Поэтому я приготовилась услышать дальнейшее без истерики.

— Эсфадос, миледи! Вы не помните?

По телу разлилась жуткая слабость. Вот и все! Не секта, не у черта на куличках, просто — другой мир. Или не просто... Совсем-совсем не просто! Прикрыла глаза, словно, если не буду видеть, станет легче, снова ущипнула себя в надежде наконец очнуться от этого сумасшествия, но запахи, звуки, а главное — боль, тупая и немилосердная, по-прежнему были со мной. И исчезать, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, черт возьми, не собирались. Более того, похоже, с каждой прожитой в новом теле минутой, с каждой ложкой еды, настоев, обычной воды я ощущала, как становлюсь крепче, живее, что ли. Отвергать новую реальность уже неразумно. Правда, примириться с ней только в книжках несложно, а в жизни...

— Ноэль, а ты кто для меня?

Девушка молчала. Я открыла глаза и посмотрела на нее: напугана, сильно расстроена, и

в глазах плещется горечь. Вздохнув, она ответила:

— Я тоже драка, ваша троюродная кузина Ноэль Лояну. Попала в ваш дом в шесть лет. Моих родителей убили разбойники, а поместье по закону отошло дальнему родственнику отца. Меня же отослали к вам. Больше у меня никого нет... Теперь я ваша горничная, миледи.

Мне стало невыносимо, до стона жаль ее и себя тоже. Особенно в свете доставшихся мне вместе с телом Сафиры тяжелых воспоминаний.

— Ноэль, я ничего не помню из прошлой жизни. — Мое признание кузина встретила пораженным взглядом, и я поспешила успокоить ее: — Нет, не бойся, все не настолько плохо. Конечно, какие-то воспоминания остались, но разрозненные, хаотичные, словно воспоминания чужого чел... существа. — Я запнулась — из слов девушки и воспоминаний выходило, что не стоит путать нас с людьми. — Поэтому прошу тебя о помощи. Мы начнем наше знакомство заново, как с чистого листа, и ты будешь мне все подробно рассказывать. О людях, о драках, о моей семье и вообще об Эсфадосе. Согласна?

Девушка зачарованно слушала меня. Когда я, безмерно устав, закончила «признания», она быстро кивнула. Я же глухо попросила:

— Ноэль, я хочу, чтобы ты знала. Прежней я никогда не стану, и, если ты любила меня ранее, я...

Она передернулась, услышав «любила», невольно подсказав мне, что наши с ней прежние отношения были далеки от дружеских. Ноэль заметила, что от меня не укрылся ее жест, и испуганно посмотрела, уже открыв рот, чтобы извиниться, по-видимому.

Но я опередила ее:

— С чистого листа, сестра! Я понимаю, насколько нам будет сложно, особенно тебе. Для меня очень важно и необходимо расположение кого-то близкого и верного, кто будет рядом. А главное — честного! Я заранее прошу тебя: пообещай быть со мной предельно откровенной и честной!

Ноэль молчала, пытливо всматриваясь в мое лицо. В ее глазах загорелось что-то новое... Недоверчивая надежда, возможно. Она медленно, уверенно кивнула, а я спросила:

— Скажи, что самое светлое и дорогое было в твоей жизни? Чем ты дорожишь больше всего?

Голубые глаза подернулись дымкой тоски и печали. Она хрипло ответила:

— Мои родители. Память о них — единственное, что мне осталось.

Было неловко идти на этот шаг, но я настойчиво попросила:

— Тогда здесь и сейчас поклянись их светлой памятью, что не предашь, не обманешь и всегда будешь честной со мной.

Ноэль вздрогнула, обиженно посмотрела на меня, но, столкнувшись с моим настойчивым ожидающим взглядом, поклялась в точности, как я просила. У меня словно гора с плеч свалилась. Хоть один нормальный... хм-м, человек... драка рядом появился. Я радостно улыбнулась кузине, от чего та впала в полнейший ступор, заставив меня задуматься над вопросом: как же часто она видела мою улыбку, если так удивилась.

Чтобы привести в чувство Ноэль, я перестала улыбаться и попросила:

— Кузина Ноэль, у меня к тебе огромная просьба. Я прескверно чувствую себя немойтой. А сейчас на мне, по ощущениям, несколько слоев грязи, я лежу в грязи и самое противное — дурно пахну. С этим надо что-то делать, и немедленно.

— Но, миледи, сестра Аниза сойдет с ума, если мы сейчас затеем купание. Всего трое

суток прошло, как вы вернулись с того света, только рана зарубцевалась и лихорадка спала, а вы хотите заболеть снова?

Ноэль вцепилась в мою руку, уговаривая, но я была непреклонна. Поняв, что ничего не поделаеть, тяжело вздыхая, она поплелась за подмогой. Вскоре пара дюжих мужиковатых теток с грубыми чертами лица притащили в келью довольно большую бадью. Вслед за ними возвратилась Ноэль, пришли сестра Аниза и еще одна женщина, ассоциировавшаяся у меня с настоятельницей монастыря, — однозначно наделенная властью, державшаяся с достоинством, столь чопорная и строгая в черном платье, украшенном белым кантом и ручной вышивкой по краям. Черное платье, ладно сидевшее на ее фигуре, мило сочеталось с белым длинным фартуком. Эта начальственного вида незнакомка подошла к кровати и внимательно посмотрела на меня. Ноэль тут же встала в изголовье и тихо представила:

— Миледи, это абаниса Эйра, возглавляющая святую обитель.

Я мысленно поблагодарила Ноэль за то, что поясняет, кто здесь кто и как их зовут. Женщина же коротко, но почтительно кивнула мне. Тоже кивнула ей, улыбнувшись, ведь я пока не знала, как себя с ней вести и вообще какие права у Сафиры, которую, исходя из увиденного в памяти, окружающие не больно жаловали.

Абаниса Эйра попыталась меня переубедить:

— Миледи, я понимаю ваше желание, но поймите, мытье для вас сейчас нежелательно и, как считает сестра Аниза, крайне губительно скажется на вашем состоянии. Она слишком хорошая лекарица, чтобы я не доверяла ее рекомендациям. Лучше бы и вам прислушаться...

Пока абаниса взывала к моему благоразумию, я приняла неожиданное решение. Шальная мысль подвигла на отчасти авантюру:

— Я все понимаю, уважаемая абаниса Эйра и сестра Аниза, но ничего с собой поделатъ не могу. Я должна помыться. Мне сложно пояснить вам причину этого на первый взгляд неразумного желания. Омовение — словно очищение от всего, что было и уже — с уверенностью могу сказать — прошло.

Обе женщины кивнули, хотя я заметила, с каким неодобрением. Абаниса подала знак крупным теткам, и те быстро удалились. За водой пошли, наверное. Старшая из монахинь присела на краешек кровати и, сложив руки на коленях, осторожно произнесла:

— Госпожа Лояну сказала, что вы ничего не помните, леди Сафира. Это так?

Я утвердительно кивнула. Настоятельница задумчиво подвигала губами, затем спросила:

— Совсем ничего? Из прошлого или только недавно случившегося? Может, какие-то фрагменты остались? — и пристально вглядывалась в мое лицо в ожидании ответа.

Внутренне собравшись, с трудом подбирая подходящие чужие слова, я не заставила себя долго ждать:

— Очень мало, абаниса. Отдельные воспоминания остались, но, боюсь, многое полностью стерлось из памяти. Скажем так: я как будто другой... хм-м... стала другой. Совсем!

Хотелось бы мне знать, почему Эйра так нервничает, спрашивая о прошлом. Аниза и Ноэль тоже заинтересованно слушали наш разговор. Абаниса пристально взглянула мне в лицо, а потом неожиданно выдала:

— Вынуждена с вами согласиться. Когда вы попали к нам в обитель, невзирая на ваше прискорбное состояние, вели себя... хм-м... недостойно. Всех проклинали, ругали и мечтали умереть... Складывалось ощущение, что вы не в себе. Простите слугу божию за прямоту...

Все трое уставились на меня в напряженном молчании, и я поняла, почему они

осторожничают. Элементарно — считают спятившей. Я ведь и сама там, в темноте у разрыва, почувствовала кого-то безумного. Да-а-а... Надо срочно исправлять нелестное впечатление о себе, а то мало ли как все может обернуться.

— Мне искренне жаль, абаниса, что так получилось. Уверю вас, прежняя я навсегда исчезла, умерла, на этот свет родилась новая Сафира Дернейская.

Сестра Аниза неожиданно с благоговением спросила, подаваясь ко мне всем телом:

— Миледи, ваша молебственная свеча потухла, и сердце перестало биться. Я проверила перышком: вы не дышали, а потом свеча вспыхнула вновь, и вы ожили, да так сильно, страшно закричали. — Монахиня сжала руки на груди и восторженно спросила: — Скажите, вы помните, как это было? Вы видели Его?

Кого она имела в виду, я догадалась не сразу, тем более учитывая, что Они тут и там могут быть разными, поэтому решила на обтекаемый рассказ. Я прикрыла глаза, словно припоминая, хотя сама мысленно передернулась от воспоминаний, и начала фантазировать. Хорошо, что по телевидению часто такие истории показывали.

— Я помню холодную непроглядную тьму вокруг, ужас, страх и боль во всем теле. Казалось, я падаю куда-то и горю. Моя душа горела, кричала, а вокруг клубились только тьма и боль. А потом я увидела свет в конце коридора и устремилась к нему. И знаете, чем ближе я к нему продвигалась, тем легче становилось дышать, яснее думалось и душа... я не знаю... она пела, растворялась в нем. А потом — свет, теплый, радостный. Знаете, как будто мою душу вымыли, обогрели, все грязное, темное, наносное убрали, очистили. Такой чудесный родной свет. Затем снова яркая вспышка, следом темнота, и я оказалась здесь. Увидела сестру Анизу и Ноэль, но практически ничего не помню из того, что было раньше. Будто кто-то все стер из моей памяти и души, но почему-то позволил начать все заново, с чистого листа.

От длинного монолога, во время которого приходилось подбирать слова и действительно вспоминать, я устала, запыхалась и ощутила, как накатывают слезы. Не привыкла я обманывать, и почему-то именно сейчас было неприятно это делать.

Врать про ТАКОЕ людям, которые выхаживали меня и сейчас смотрят с невероятной верой, надеждой... Возможно, им в чем-то не повезло в этой жизни, на этой земле, и они сейчас, может статься, впервые искренне поверили, что ТАМ их ждет нечто лучшее, светлое, хорошее. Однако, если бы я честно обо всем рассказала, думаю, они бы разочаровались, поэтому не стоит их морально убивать.

В глазах сестры Анизы заблестели слезы, в любой момент готовые пролиться. Абаниса почтительно поглаживала мою руку, с трепетом заглядывая в глаза, а Ноэль замерла рядом. Она тоже поверила и едва сдерживала слезы. Вполне возможно, вспомнила о своих умерших родителях.

Дверь с шумом открылась, и в келью вернулись те же крепкие монашки, на этот раз с ведрами, из которых поднимался горячий пар. Вылив кипяток в лохань, они вышли. Сестра Аниза восторженно начала суетиться. Развернула холст с мылом, достала из сундука несколько полотенец, добавила еще дров в камин, от чего огонь тут же яростно вспыхнул, голодным зверем набрасываясь на добычу.

Наблюдая за хлопотами сестер, я ощутила себя героиней старинных книг из фонда легенд, мифов и сказок народов мира нашей библиотеки, которые я когда-то читала, будучи студенткой и потом, работая в университете.

Ноэль занялась моими волосами, и я обратила внимание, насколько они длинные — до

тали, не меньше. Но самое примечательное — светлые, с серебристым оттенком, наверное. Собственно, волосы были в совершенно неприглядном состоянии. Страшно даже представить, как же тогда выгляжу я сама. Но знакомство со своей новой внешностью можно оставить до лучших времен. Сейчас важно привести себя в опрятный вид, а остальные вопросы, в том числе на что похоже мое собственное отражение, выясню потом.

Вскоре Аниза и Ноэль при помощи двух монахинь, принесших еще воды, перетащили меня в лохань и старательно отмыли жалкое, изможденное тело, ставшее моим по прихоти неких высших сил. То, что оно чересчур худое, даже костлявое, я увидела сразу, как только Ноэль полностью откинула одеяло.

Тем не менее теплая вода доставляла невысказанное удовольствие. Женщины тщательно промыли мои светлые волосы, намыливая и смывая несколько раз. Я упросила их хорошенько потереть меня, чтобы отмыть с бледной, синеватой кожи многодневную грязь, и стойчески терпела эту процедуру. Потом, пока меня тщательно вытирали и сушили волосы, Ноэль полностью перестелила кровать. По келье разносился цветочный запах мыла, травяной — постельного белья, огонь в камине дарил ласковое, живое тепло.

Несмотря на суету вокруг и приятные запахи, дарившие необыкновенное ощущение радости бытия, когда меня уложили обратно в постель, я чувствовала себя вымотанной, как никогда. А ведь всего-то основательно искупалась, и то не самостоятельно. Уже сквозь дрему услышала, что мне предложили выпить парного молока, послушалась и затем уснула.

Глава 3

Открыв глаза, я увидела свет, пробивающийся сквозь плотно закрытые ставни, пронизывающий сумрак каменной уютной кельи. Дрова в камине догорели, и огонь больше не радовал, разгоняя тени и сырость. И все же теперь я лежала чистенькая, живая и от того чувствовала себя гораздо лучше. В этот раз во сне даже прошлое бывшей хозяйки тела меня не беспокоило. Зато собственное настоящее, стоило проснуться, накинuloсь растревоженным осиным роем.

Осторожно приподнявшись на локте, чтобы не разбередить заживающую рану, осмотрелась: Ноэль нет, и, пока я спала, ничего не изменилось. Со стоном откинулась на подушки. Новый мир... новая жизнь... в чужом теле... Здесь необходимо использовать каждый шанс на жизнь. Нет, не начать жить по-новому, а просто жить. Что толку о чем-то теперь жалеть? И от этой мысли вспыхнула душевная боль, до сих пор сдерживаемая моим неменяемым состоянием. Как там папа? Ведь он остался один на один с проблемами, неудачами, супругой и Валерией. Да, я не любила мачеху и сводную сестру, они меня тоже не жаловали, но отца, хоть мы были не слишком близки, жалко.

Мама умерла, когда мне было всего пять, а через пару лет отец женился во второй раз на женщине с ребенком, девочкой на два года младше меня. Банальная история, наверное, отчасти похожая на Золушкину.

Папа много лет занимал должность декана исторического факультета, очень денежную, как оказалось впоследствии. У нас появилась большая хорошая квартира, домработница. Мачеха — Ирина — считала себя женщиной утонченной и светской, и отец потакал ее прихотям, исполнял желания. Нет, меня не притесняли, и в обносках я не ходила — это было бы неприлично. Да и отец меня по-своему любил, а мачеха терпела и воспитывала. Как умела и хотела. С ее точки зрения, в лучших традициях высшего света, с привкусом английского. Зато была бабушка с маминой стороны, которая любила меня всей душой, от чистого сердца, и я платила ей тем же.

Я получила прекрасное образование, но по своей специальности работы сразу не нашла. Тогда отец помог устроиться в библиотеку, а чуть позже выбил две преподавательские ставки, которые приносили мне пусть небольшой, но стабильный доход. Кроме того, по мнению Ирины, работать преподавателем государственного университета для женщины престижно. В отличие от меня, сводная сестра Валерия окончила среднюю школу и до сих пор находилась в поиске себя, а если быть совсем точной — денежного мужа. Числясь на всякий случай на заочном отделении университета.

Год назад бабушка умерла, и мне от нее в наследство достались двухкомнатная квартира в центре города и небольшой счет в банке. Мачеха лишь презрительно фыркнула по этому поводу.

А потом наша жизнь круто изменилась. Полгода назад разразился скандал: отца сместили с должности и чуть не посадили за взятки, хорошо еще оставили преподавать в том же вузе. Папа изменился, сильно сдал и был морально подавлен. Денежные поступления резко уменьшились, река друзей и подруг Ирины иссякла, вскоре пришлось отказаться и от домработницы. Валерия пошла вразнос, предпринимая усиленные попытки найти себе спонсора. Мачеха сделалась просто невыносимой брюзгой. А меня попытались превратить в прислугу.

Постоянные домашние скандалы заставили меня уйти в глухую оборону и чаще оставаться ночевать у подруг — Юльки и Наташи. Но вчера мачеха заявила, что лучше бы мне переехать в квартиру бабушки. Валерии, дескать, необходимо все свободное пространство. Ну еще бы, надо же куда-то потенциальных женихов приводить, а тут моя персона маячит, отвлекает внимание на себя. Не дождавшись защиты от отца, который старательно делал вид, что он слепой и глухой, собрала вещи, документы и, хлопнув дверью, ушла. Возвращать меня в отчий дом никто не торопился.

Подруги, мои милые девочки, поплачут и со временем забудут. Любимого мужчину в той жизни я не встретила. Но была в принципе хорошая работа, своя квартира и оптимистичные перспективы на будущее.

Как стало очевидно, там у меня все было не настолько плохо, чтобы легко отказаться от прежней жизни, но теперь я тут! Невероятный, но свершившийся факт. Придется принять как данность. Страшно. А вместе с кошмарами несчастной Сафиры и прочими реалиями мира Эсфадос, слишком напоминающего Средневековье, страшно вдвойне. Что меня здесь ожидает? Что подстерегает за порогом темной кельи, которую раньше можно было посетить разве что на экскурсии по старым полуразрушенным монастырям? Да, я историк, искусствовед, но лично оказаться в «тех временах» не хотела никогда.

А еще их разделение на расы... Может, это как у нас: черные, белые, желтые? Хотя удивительные, явно нечеловеческие глазки Ноэль напрочь опровергали мое предположение. Еще вчера призрачно-сказочный, сегодня Эсфадос становился реальнее некуда... Другой мир... расы... И жизнь!

Боженька, куда я влипла-то нечаянно?

Опять вспомнила ту сущность, которая пролетела мимо меня, — душу Сафиры. Мстительная радость, дикое облегчение, триумф и... клубок сумасшедших эмоций. Ненормальных, жутковатых, омерзительных! От нее веяло смертельным холодом, невольно заставившим задуматься: что нужно было сделать с человеком, ладно, пусть не с человеком, с живым существом, как нужно было издеваться над душой, чтобы превратить ее в подобное? Вот это пугало до чертиков. Помимо всего остального.

Сердце лихорадочно забилося, я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться, и потревоженные мышцы отозвались болью. Рефлекторно приподняла руки, чтобы положить на больное место, да так и замерла. Кисть правой руки обвивал широкий литой браслет, соединенный тоненькой цепочкой с кольцом на безымянном пальце. Я поднесла руку к глазам, рассматривая занятное украшение, представляющее собой золотую витую косичку из двух полос. Интересно, как оно надевается? Застежки не нашла, браслет цельный, причем сидит на руке довольно плотно. Неужели с рождения на мне? Или запаяли каким-то образом?

Пока вертела необычную вещицу, заметила на коже рук странные чешуйки. Это что?! Дерматит какой-то? Или, помимо ранения, я еще и болею чем-то?

Я настолько разволновалась, что больше не могла оставаться в неведении. Постанывая, вспотев от усилий, встала. Одернула белую просторную рубашку из ткани, похожей на лен. Придерживаясь кровати, покачиваясь от слабости и шума в ушах, добралась до окна. Немного постояла, переживая головокружение, чтобы не рухнуть прямо на земляной пол, и, наконец, с невероятным трудом распахнула прочные, надежные ставни. Точнее — один ставень из двух. Келью залил дневной свет, заставив меня зажмуриться. А в лицо ударила волна свежего сырого воздуха, пахнущего морем и соснами. Лепота!

Привыкнув к свету, я поднесла к глазам руку и с минуту тщательно изучала. На сгибах пальцев, кистях, локтях виднелись небольшие участки чешуи, плавно переходящей в светлую суховатую — скорее всего из-за болезни — кожу. Озадаченно потрогала чешуйки: не прилипли точно и не какой-нибудь дерматит, хотя ему я сейчас, наверное, обрадовалась бы как родному. Тоненькие, полупрозрачные, серебристые пластиночки с золотистой каемочкой... Вероятно, если абстрагироваться от факта, что доставшееся мне тело покрыто чешуей, то девушка с серебристо-золотистым отливом смотрится интересно, хоть и непривычно.

Нервно хихикнув, потрогала чешуйки еще раз — ну не русалка же, в самом деле, хвоста точно нет. Потом растерянно потерла переносицу, лоб и... замерла снова. Боженька, только не это...

Я развернулась, держась за ставень, и судорожно искала взглядом зеркало. На мою удачу, небольшое круглое зеркало лежало на одном из сундуков. Прилагая прямо-таки титанические усилия, я добралась до него и опустилась на крышку. В глазах мельтешили мушки, руки тряслись от слабости, но огромное желание увидеть свой новый облик победило. Двумя руками подняла оказавшееся тяжеленным зеркало в бронзовой оправе и взглянула на свое отражение.

Овальное лицо с правильными чертами: большие глаза с золотисто-желтой радужкой и... змеино-кошачьим зрачком. На высоких скулах, ближе к вискам, и вдоль линии роста волос поблескивали уже знакомые чешуйки, придававшие яркости белоснежной коже и глубины глазам. А еще заметные в дневном освещении среди серебристых волос сияли золотистые прядки. Необычная внешность, экзотичная, но красивая, наверное, если бы не изможденный больной вид и страх в глазах с моментально вытянувшимися в тонюсенькую ниточку зрачками. И настолько не похоже на меня прежнюю, что в груди заняло от новой потери. Потери самой себя!

Изумленно-испуганные, широко распахнутые глаза заблестели, и по бледным впалым щекам побежали слезы.

— Миледи... О, ради всех святых, зачем же вы встали? — услышала я потрясенный голос Ноэль.

Девушка быстро поставила поднос на соседний сундук и кинулась ко мне. Опустилась рядом на колени, приподняв лицо и вглядываясь мне в глаза, перехватила зеркало, почти выпавшее из моих ослабевших рук.

А я уставилась на нее, получив возможность благодаря открытому окну во всех подробностях рассмотреть блестящие русые, с золотисто-рыжим отливом волосы, белоснежную кожу; яркие чистые голубые глаза, в которых притаился застарелый страх, и все-таки добрые; такой же, как у меня, римский профиль; округлой формы личико; губы тоже полные, но с нечетким контуром. Но самое важное — серебристые чешуйки на ее лице и руках я тоже увидела. Соответственно встал насущный вопрос: кто такие драки? Кто же я теперь?

Почему-то в памяти невольно всплыло воспоминание о последнем дне из «той» жизни. Я сидела на ступеньках стремянки возле библиотечных стеллажей и рассматривала картинку: парящего в голубых небесах ярко-красного дракона. Благодаря мастерству художника, казалось, чувствовала, как ветер бил в лицо, а солнечные лучи нежно касались кожи...

Помню, как коснулась пальцем пожелтевшей страницы старого пыльного фолианта и

провела по крыльям дракона, изображенного на картинке. Он был великолепен. Неизвестный иллюстратор очень хорошо отразил мощь и угрозу, исходившую от этой зверюги. А у меня тогда почему-то возникло чувство зависти и восхищение тем свободным прекрасным мифическим животным. Странно...

Кузина загадочной драки-аристократки Сафиры бросила тревожный взгляд на открытые ставни и взволнованно посетовала:

— Миледи, вы едва с того света вернулись, а уже снова пытаетесь туда попасть...

Она встала и закрыла окно, практически отрезав меня от мира в каменной ловушке. Хотя, надо признать, за окном совсем не лето.

— Прости, Ноэль, слишком захотелось подышать свежим воздухом и увидеть свет, почувствовать себя живой, — устало улыбнулась я.

Девушка неуверенно улыбнулась в ответ, обхватила меня за спину, помогла встать и повела к кровати. Несколько шагов дались мне с большим трудом, я бы рухнула на постель, если бы не эта поддержка. С помощью Ноэль, подложившей под спину подушку и накрывшей теплым одеялом, я устроилась полусидя. Она быстро зажгла свечи, разогнав сумрак в помещении, подложила пару поленьев в камин, затем забрала с сундука поднос и направилась ко мне. Я снова отметила жалкую, изношенную одежду, из которой девушка давно выросла, потрепанную шальку, что вряд ли спасает от холода, стоптанные ботинки. И невольно задалась вопросом: неужели «моя» семья настолько бедная? Ведь Ноэль — близкая родственница, а выглядит как побирушка.

Еще я заметила, что она немного прихрамывает.

— У тебя что-то с ногой? Поранилась? — осторожно, опасаясь задеть ее чувства, спросила я.

Бедняжка опустила взгляд, пряча затаенные боль и стыд, поставила поднос на табуретку и сняла деревянные крышки с тарелок, от которых тут же начал подниматься пар: ароматный, вкусный.

— Ноэль?.. — мягко настаивала я.

— Нет, не поранилась! Просто... стерла... — тихо ответила она.

— Показывай!

Не удовлетворившись слишком уклончивым ответом, я чуть свесилась с кровати, пока она разувалась.

— О-о-о!.. — только и смогла потрясенно выдохнуть я, увидев ступни в кровоподтеках и синяках. Мало того, на ногах не было ни носков, ни чулок!

Безусловно, ботинки ей малы. Размера на два! Даже представить не могу, что она испытывает, когда ходит.

— У тебя нет другой обуви? — хрипло поинтересовалась я.

— Нет, леди Сафира!

— Мы настолько бедные, — пришла мне в голову мысль, — что не можем позволить себе самое необходимое?

Ноэль хотела было обуться, но я схватила ее за руку, ожидая ответа.

— Вы — одна из богатейших леди в Приграничье, — пожалала худенькими плечиками кузина.

Я кивнула на ряд сундуков, выстроившихся вдоль стены:

— Это все мое?

— Да! Миледи! Одежда, обувь, украшения... — тихо перечисляла Ноэль.

— А где твое? — тоже тихо, уже догадываясь об ответе, спросила я.

Девушка отвела взгляд в сторону, сжала кулачки на коленях, но ответила без обиды, без обвинений, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Три моих платья в корзине, миледи! Я иждивенка, и ваш батюшка не считал нужным тратиться на меня. Но вы не думайте, я благодарна ему за милость и приют...

Горло свело спазмом, я прокашлялась и попросила:

— Ты не обувайся пока, Ноэль. Залезай на кровать, чтобы ноги не мерзли. Давай покушаем вместе, а потом посмотрим, что там в сундуках, и выберем тебе новый гардероб.

Она вскинула на меня потрясенные недоверчивые глаза, будто ослышалась:

— Миледи, вы не думайте, что я жаловалась. Я не предаю вас, и... вы не должны...

— Почему? — нахмурилась я.

По щеке Ноэль побежала слезинка, а глаза испуганно округлились.

— Потому что вы, вероятно, скоро обо всем вспомните, и ваша одежда на мне станет для вас неприятным сюрпризом и...

Я подняла ладонь, останавливая поток ее слов:

— Нет, Ноэль! Я никогда не стану прежней! Просто поверь, прежняя я умерла!

Одинокая слезинка скатилась по бледной щеке девушки и упала на лиф старенького, когда-то, наверное, бывшего добротным и красивым платья. Она лишь кивнула, принимая обещание к сведению. Затем взяла тарелку с кашей и принялась меня кормить.

— А ты уже завтракала? — озаботилась я.

— Да! Мне дают там... в трапезной... — кивнула она.

Я забрала тарелку и, пусть от усилий удержать посуду у меня затряслись руки, твердо заявила:

— Открывай другие блюда, что там еще? И на будущее: я хочу есть в компании, а не в одиночестве.

Снова отметила неуверенно-удивленный взгляд Ноэль, но та послушно убрала крышку, под которой лежал нарезанный ломтиками желтый сыр, серый ноздреватый хлеб, рядом стоял глиняный кувшинчик с молоком.

В общем, позавтракали мы плотно и с удовольствием.

Потом я с улыбкой наблюдала, как Ноэль с опаской, постоянно оглядываясь на меня, открывала сундук за сундуком и показывала вещи, хранившиеся в них. Увидела красивые платья, большей частью бархатные и облегающие до бедер, с богатой ручной вышивкой золотыми или серебряными нитями и шнуровкой по бокам, и мне в голову пришла мысль, что я попала в средневековую Англию времен короля Вильгельма Завоевателя.

Мы выбрали девушке три платья — довольно скромных, но добротных и теплых. Нашли подходящие удобные ботинки, чулки, к счастью, тоже обнаружившиеся среди одежды. Конечно, дело не обошлось без пары нижних рубашек. И в довершение — плащ, подбитый мехом. Я внимательно изучала содержимое сундуков, ведь всем этим добром мне придется пользоваться, и попутно выяснила, что сейчас ранняя весна, а здесь, в предгорье, это ветреный и сырой сезон.

После примерки обновок я заставила Ноэль намазать ноги лечебной мазью из склянки, оставленной сестрой Анисой, а то на них даже смотреть больно было. Переодевшись, моя юная кузина находилась в таком ошарашенном и восторженном состоянии, что следовала указаниям безропотно, перестав то и дело вскидывать на меня потрясенный взгляд.

Утомившись от приятной суеты, я незаметно для себя уснула, думая о том, как хорошо

иметь хоть одно родное существо в чужом мире...

* * *

Тяжелая серая муть вечерних сумерек за окном, завывание осеннего ветра, промозглый холод, крики рыцарей, вернувшихся с охоты, и лай собак — все смешивалось и заставляло вздрагивать от страха. Я неподвижно сидела в кресле у окна в компании мышки Ноэль! Забившись в угол возле кровати, она со страхом смотрела на тяжелые деревянные двери, укрепленные металлом. Жаль, что их неприступный внешний вид не сможет защитить от опасности — щеколда с другой стороны...

Меня защитит имя, а вот сироту Ноэль — ничего! Ей уже девятый год, большая девочка, чтобы самой позаботиться о себе. Нельзя, нельзя привязываться к чему-то или кому-то. Все заберут, искалечат, уничтожат.

Двери открыла парочка подвыпивших рыцарей и ввалилась в комнату. Сатис! Как же я его ненавижу. До сих пор в памяти стоит его мерзкая глумливая ухмылка, когда он спускал голодных псов на маминого коня Алого.

Приближенный вассал лорда Калема, заметив Ноэль, сжавшуюся в углу, усмехнулся:

— Детка, ты уже большая стала, пора научить тебя плотским радостям!

Девчонку схватили за талию и, не обращая внимания на ее крики о помощи и мольбы, потащили к дверям. Я видела, как Ноэль протягивает ко мне руки, кричит, пытается вырваться...

И снова мои губы привычно зашептали: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу». А взгляд устремился в серое небо, по которому плыли темные тучи.

Детские крики доносились уже из коридора, когда их перекрыл мощный бас отца, заставив меня окаменеть от страха:

— Сатис, эту оставь в покое!

— Но почему, мой лорд? Она же...

— Идиот! Она — драка и единственная, кто сможет заменить Сафиру... в случае чего!

Если кто-нибудь посягнет на ее невинность без моего разрешения, голову снесу!

— Как прикажете, мой лорд, — последовал покорный ответ.

Да только отец всегда смотрит в лицо, когда говорит, и слушать предпочитает себя, поэтому вряд ли уловил затаенную зависть и злобу в голосе вассала рода Дернейских.

Двери снова распахнулись, и в комнату втокнули Ноэль так, что она растянулась на каменном полу, ободрав коленки и ладони. Я не успела привычно опустить голову и поймала затравленный взгляд девчонки. В нем были страх, неверие, что спаслась от надругательства, и обида на меня, что не помогла, не спасла и даже не дернулась на защиту. Маленькая дурочка... В Хемвиле ни для одной души нет спасения! Больше нет!

* * *

В голове продолжал звучать тихий надрывный плач восьмилетней беззащитной девчушки, когда я проснулась в поту, потрясенная увиденным, с ощущением беспросветной пустоты в груди «той» Сафиры, которая заполнялась чернотой и сумасшествием. Рядом, на

самом краешке кровати, прикорнула кухня, трогательно подложив ладошку под щеку. Я не выдержала и разрыдалась, кусая кулак.

Ноэль проснулась и испуганно посмотрела на меня. Я потянулась и обняла сестренку, погладила по русым волосам, хрипло прошептала:

— Прости ее, прости! — А перед глазами продолжал стоять затравленный взгляд девочки, всплывший из глубин чужой памяти. — Она просто не могла помочь, она никому не могла помочь, даже себе!

— Что с вами, миледи? — Голос Ноэль в панике сорвался на писк.

— Просто вспомнила... кое-что из нашей с тобой жизни, — сипло от слез и волнения пробормотала я. Потом, откинувшись на подушку, посмотрев ей в глаза, твердо, мрачно пообещала: — Я тебя в обиду больше никому не дам! И с... отцом придумаю, как разобраться!

Ноэль сглотнула, неожиданно грустно улыбнулась и огорошила:

— Не выйдет!

— Почему? — нахмурилась я. — Я придумаю...

— Семнадцатый лорд Дернейский умер два месяца назад!

— Как? — удивилась я и тем не менее через секунду испытала невероятное облегчение.

— Его отравил ваш супруг, — пояснила Ноэль, пожав плечами.

— Мой — кто? — сиплым от ужаса голосом спросила я.

— Ваш супруг, Мердок Револейский! — кивая в такт своим словам, словно придавая им весомости, довела до моего сведения фактически сестра.

Я прикрыла глаза, пытаюсь принять эту шокирующую новость. Мало того, что замужем, так еще и муж с противным именем достался.

— Миледи... — словно издали услышала испуганный голос Ноэль.

Но я, уже не в силах удержаться, вновь погрузилась в пучину чужих воспоминаний.

* * *

Вторая по размерам спальня Хемвиля, ставшая моей пыточной. Дрожь пробирает до внутренностей, сковывая тело лютым холодом. От ужаса сердце заходится бешеным стуком. Нестерпимо хочется зажмуриться, а еще лучше — свалиться без чувств в спасительную темноту. Но нельзя, потому что будет еще хуже.

Передо мной на огромном ложе сплетаются блестящие от пота тела... стоны страсти... животные крики... Мердок не главный в этом аду. Сейчас его объезжает любовник, заставляя прогибаться, подчиняться, раскрываться полнее... ласкать другого мужчину, лежащего уже под ним...

«Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...» — шепчут мои губы, а взгляд обращен в себя.

— Смотри, тварь! Не смей отворачиваться! — рычал, заходясь в экстазе, еще один мой мучитель.

Долгое тягостное ожидание неминуемого продляет мою агонию. Рык, в котором слышится облегчение похотливой троицы, а затем обнаженный Мердок сползает с кровати и приближается ко мне.

Я осторожно сменила позу, внутренне сжимаясь в комок и готовясь к тому, что

последует дальше. В том, что последует, не сомневалась. Наша первая брачная ночь закончилась полным провалом для мужа, что любит и хочет лишь мужчин, а меня считает досадной ненавистной помехой и дальше свободно предаваться разврату и разгулу. Женщиной физически я так и не стала, за это меня с удовольствием бы убили. Мердока остановила исключительно перспектива потери Хемвиля. Ведь между ним и замком был еще лорд Калем.

— Ты плохая жена! — злобно прошипел мой муж. — Кто разрешил тебе отворачиваться?!

В его руке привычно появляется хлыст. Резкий свист — и моя спина зажглась от боли. Одежда спасает от рубцов, но от боли — нет. За год супружества я свыклась с ней.

— Бей эту бесполезную тварь, бей! — радостно прошипел Мердоку любовник, подзадоривая.

И тот старательно лупил меня, не задевая лица, чтобы никто не узнал, как проходят наши супружеские ночи. Ведь семнадцатый лорд Дернейский ждет внуков, а их все нет и нет. Лорд Калем опять просчитался. В первый раз силой принудил выйти за него чистокровную драку Амалию, во второй — выбрав мне в мужа садиста Мердока, сочтя того мягкотелым, слабовольным и управляемым. Только не учел его наклонностей, жадности и глупости. Моим мужем легко управлять, но таким манипулятором стал его любовник — мелкопоместный дворянчик из людей: сильный, властный и коварный. От домогательств которого меня спасло, помимо пристрастий, еще и происхождение. Полукровок отец зятю не простит и убьет не задумываясь. А Мердок — единственный чистокровный драк в замке помимо лорда Калема.

* * *

Я металась на кровати, словно в горячке, и даже слышала лихорадочный шепот: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...»

Но кошмары не выпускали из своих жутких крепких лап. Слово кадры из фильма пробежали, иногда наслаиваясь, иногда резко сменяясь один другим...

«Семейная» жизнь Сафиры, без всякого сомнения, — наказание любому за самые тяжкие смертные грехи. Избиения и «просмотр» порносцен с участием мужчин. Спать ее отволакивали в свою комнату под утро, а там белая как полотно Ноэль смазывала раны целебными мазями и приводила миледи в порядок, чтобы уже днем над ней продолжал издеваться отец.

Немного затихшая боль в ране вспыхнула пламенем, а перед глазами возникла новая картинка.

* * *

В огромном обеденном зале вдоль стен жалась перепуганная прислуга, рыцари были в замешательстве. А я замерла посередине, не отрывая взгляда от пола. Там, в луже крови, лежали трое — те, то почти четыре года мучили меня изо дня в день с перерывами на охоту и поездки в столицу: Мердок и оба его любовника. В нескольких шагах от них стоял отец. Я

видела лишь его сапоги и окровавленный меч, которым он только что разделался с теми, кто покусился на его земли, замок и жизнь. О Всемогущий, давно я не испытывала такого облегчения, такого неистового счастья, как в эту минуту! Не выдержав, запрокинула голову и от души захохотала, выплескивая наружу накопившиеся за пятнадцать лет боль и страх...

Меч с грохотом выпал из рук захрипевшего отца. Впервые за несколько лет я решилась поднять взгляд от пола в его присутствии. Высокий красивый мужчина с буйной серебристой шевелюрой и яркими голубыми глазами, что стоял напротив, — Калем Дернейский! Последний лорд этого рода и владелец Хемвиля! Уж я позабочусь об этом. Меня пронзила дикая радость сродни экстазу, когда я увидела, с каким ужасом и отвращением отец смотрит на меня. Затем его скрутила судорога, следом другая. Схватившись за горло, отец обессиленно просипел:

— Не могу дышать... у меня горит все внутри...

Огромный мощный лорд грузно упал на колени, голубые глаза выпучились от муки, а я продолжала стоять и с триумфом смотреть, наслаждаясь:

— Ты выбрал этого мерзавца мне в мужья! Ты открыл предателю ворота в наш дом! Ты легко прощал ему мои побои! И так же легко сам принял бокал с ядом из рук садиста! — Снова жутковатый сумасшедший женский смех, который вырвался из моей глотки. — Пришла пора платить по долгам, отец!

— Ты... — прохрипел лорд Калем, скрючиваясь от очередной волны боли.

Подошла вплотную, впервые без страха, низко наклонилась и шепнула в ставшее багровым от прилива крови ухо:

— Я, отец! Именно я подменила яд Мердоку. Он хотел, чтобы ты тихо-мирно уснул, не привлекая внимания. — Голубые глаза с красными прожилками вспыхнули пониманием и лютой ненавистью. — Но я не могу позволить тебе умереть так легко! Хочу, чтобы ты умирал медленно и мучительно, как я каждый день, пока жила рядом с тобой! Теперь ты прочувствуешь на себе, каково быть твоим ребенком. Быть Сафирой Дернейской!

— Миледи, миледи, очнитесь!.. — Из кошмара, где застывшие голубые мертвые глаза заглядывали в самую душу, меня вырвала отчаянная просьба-мольба Ноэль.

— Успокойся, дитя! Она проснулась... ну все... ну все, Ноэль, успокойся... — тихо приговаривала сестра Аниза.

Я резко распахнула глаза, но, находясь между сном и явью, продолжала шептать:

— Это не я! Это не со мной! Не я... не я... не со мной...

— Сафира, — прорыдала кузина, схватив мою ладонь. — Не бросай меня больше одну... пожалуйста, не бросай...

Я тряхнула головой, сбрасывая чужие кошмары. Теплая ладошка сестры по несчастью вернула самообладание и помогла успокоить бешеное сердцебиение. Я буквально заставила губы раздвинуться в улыбке, но, судя по страху, заполнившему несчастные глаза Ноэль, вышел предсмертный оскал. Мысленно одернула себя: «Я сильная, я справлюсь! Ведь даже смерть я победила, а тут кошмары какие-то! Фи!» И эта измученная, но преданная девушка теперь зависит от меня.

Глубоко вздохнув, превозмогла боль в ране и просипела:

— Прости, сестренка! Снова напугала тебя. Прошное легко забываться не хочет, но мы все преодолеем, не переживай!

Ноэль улыбнулась сквозь слезы, трогательно вытирая мокрые дорожки ладошками. Сейчас она даже не испугалась, что с ногами забралась на кровать. А ведь до того даже присаживалась неуверенно. Словно не имела права.

— Вы еще что-то вспомнили, миледи? — осторожно подалась ко мне сестра Аниза.

— Да... уж... — тяжело вздохнула я. — Такое вряд ли совсем забудешь.

Монашка с подозрением уставилась на меня, невольно вызвав грустную усмешку:

— Поверьте, это словно чьи-то чужие воспоминания, всего-навсего разрозненные кусочки. Неясные образы... — Отметив некоторое облегчение в глазах пожилой женщины, устало добавила, чтобы избавить ее от сомнений: — Я не сумасшедшая! — Про себя же подумала: «Хотя иногда кажется, что — да!»

Аниза занялась моей раной, обрабатывая ее пахучими целебными мазями, читая молитвы и утешая. Закончив, добрая женщина удалилась.

Проводив ее взглядом и дождавшись, когда закроется дверь, я не удержалась и предложила:

— Знаешь, Ноэль, давай спать в одной кровати, а то мне страшно даже глаза закрыть, вдруг снова кошмары увижу.

— Ваши кошмары — это наша жизнь! — обреченно заметила Ноэль и осторожно поинтересовалась, хлюпнув носом: — Что вы вспомнили?

— Свое четырехлетнее замужество и как вдовой стала, — буркнула я. Заметив хмурую складку между бровями юной драки, честно добавила: — Не поверишь, я испытываю несказанное облегчение по этому поводу.

Ноэль зябко передернула плечиками, слезла с кровати и налила мне кружку молока. Повинуясь моему настойчивому взгляду, наполнила вторую. Затем, взяв два ломтя хлеба с сыром, вернулась на кровать. После мы сосредоточенно ели, каждая думая о своем, и смотрели в камин, наблюдая, как горят поленья. Моя душа успокоилась, я снова поверила,

что все складывается хорошо: наконец-то враги сдохли в муках, туда им и дорога, а мы с кухней как-нибудь и без них проживем. И я уж постараюсь, чтобы счастливо!

На ужин Ноэль принесла мясо и проговорила, что дали его впервые с момента моего ранения. Мы объелись, как слоники, и сыто растянулись на постели. В камине весело трещал огонь; уже не мрачно, а таинственно горели свечи. Кухня, заметно воспрявшая духом, перестав дичиться и вздрагивать, устроилась поверх одеяла, и мы наслаждались покоем и теплом.

— Даже не помню, когда мне было так легко и спокойно... — неожиданно вырвалось у настрадавшейся девушки.

Посмотрев на нее с пониманием и сочувствием, я прощупала почву:

— Хочу кое о чем спросить у тебя, мне важно это знать. — И предупредила: — Но если не хочешь, не отвечай.

— Конечно, я отвечу на любые твои вопросы, мы же договорились, — встрепенулась Ноэль.

Я кивнула и, что называется, в лоб спросила:

— Ты смогла сохранить невинность в том ужасе, который творился в Хемвиле?

Девушка нахмурилась, пожевала губу, потом с грустной усмешкой ответила:

— Вы верно заметили, миледи... ужасе...

— Ноэль, давай перейдем на имена. Мне так будет легче. Приятнее ощущать себя не одинокой. Ты моя кухня, к чему эти формальности?

Она улыбнулась немного неуверенно и все же выглядела польщенной.

— Давай... Сафира!

— Ну и... — напомнила ей о своем вопросе.

— Да, Сафира, невинность я сохранила. Твой отец — лорд Калем — опасался, что может лишиться дочери... по разным причинам. И про запас держал для Хемвиля еще одну, хотя и не совсем чистокровную, драку... Ведь я ваша родственница по мужской линии Дернейских. Значит, мою кровь замок тоже примет. Или моих наследников...

— Угу, — выдавила я.

Ноэль, горько улыбнувшись, добавила:

— Меня не продали замуж, сберегли невинность, но каждый день любыми способами напоминали, что я всего лишь жалкое подобие чистокровной и в моей родословной люди поучаствовали больше, чем надо... Слабая, никчемная замена...

— В каком смысле — подобие? И почему слабая? — опешила я.

— Все чистокровные драки — серебряные или золотые. Женщины, у которых сочетаются сразу два цвета, как у тебя, энергетически очень сильные. Говорят, вы даже на землях драканов сможете жить долго и плодотворно. — Она тяжело вздохнула и закончила: — А я золотисто-русая. Слабая.

Утренние сновидения подзабылись, и я приготовилась дальше слушать информацию об этом мире.

— Ноэль, кто такие драки? Знаешь, давай ты мне расскажешь об Эсфадосе, а то из-за провалов в памяти ощущаю себя птенцом, не умеющим летать, но уже выпавшим из гнезда. Я буду задавать вопросы, чтобы связать свои воспоминания с твоим рассказом.

Она мягко улыбнулась, поправила подушку и выразила сомнение:

— Сложно описать Эсфадос. Мне кажется, он необъятный...

— А ты кратко: кто здесь живет, кто с кем дружит или воюет, кто такие драки... Мне все

интересно.

Ноэль, не подозревая, что мой интерес имеет иное происхождение, задумчиво потерла чешуйчатые виски и принялась за просвещение:

— Твоя гувернантка учила, что наш мир огромный и делится на три части. Одна — полностью принадлежит людям, самой многочисленной расе, но не обладающей магией. Она состоит из множества разных королевств, то и дело воюющих между собой. Вторая часть населена исключительно драканами. Они жуткие и владеют магией. Там нет королевств, драканы делятся на кланы, а управляет ими Совет Кланов.

— Тоже воюют? — уточнила я.

Ноэль перевела взгляд на меня и, отчего-то неожиданно смутившись, покраснела. Затем, сглотнув, неуверенно продолжила:

— Не знаю, как между кланами, но с людьми и с нами — нет.

— Почему? — удивилась я. — И... жуткие?

— Просто их не зря зовут темными. На территории драканов не многие могут жить, а тем более жить долго, поэтому нет желающих проливать кровь за то, что в конце концов убьет.

— А по какой причине убьет? Земля чем-то заражена? — пришла мне в голову мысль.

Рассказчица говорила медленно, почему-то тщательно подбирая слова, а может, просто вспоминая:

— Нет. Вроде бы их земли высасывают жизнь из пришлых. А сами драканы спокойно там живут. В легендах говорится, что давным-давно бог темных наложил заклятье на подвластные ему земли, закрывая от посторонних, чтобы другие божества не смогли привить драканам свой культ и те возносили молитвы ему одному, возвеличивая над другими. В более поздних легендах есть разные предположения. Например: огромное небесное тело упало на землю, изменив ее и создав самих драканов; темная магия, которой владеют драканы, влияет на их территорию. И еще много сказок и выдумок, но все сводится к тому, что чужакам у темных не выжить.

— Занятный народ... — протянула я. Потом, улыбнувшись, добавила: — Ты рассказывай, не отвлекайся.

— Ну и третья, самая маленькая, часть Эсфадоса принадлежит дракам. Нас называют пограничниками, потому что наша территория находится между людскими и темными.

— А драканы от драков чем отличаются? — осторожно спросила я. — А то звучит похоже...

Ноэль, лежа на спине, положила ногу на ногу и, безмятежно покачивая ступней, снисходительно пояснила:

— Отличия есть, и значительные. Они... слишком похожи на зверей. Смертельно опасных хищников.

— Тоже с чешуей? — выдохнула я, сгорая от любопытства.

Кузина бросила на меня насмешливый взгляд, подложила руку под голову, совсем расслабившись, и ответила:

— Больше, чем мы! В результате первой волны смешения драканов с людьми потомки получили светлый облик, сгладивший черты темных, и в то же время сохранили магию. В общем, они существенно изменились внешне, но не потеряли главного...

— Первая волна?

— Ну, я о схожем названии. Это не случайно и объяснимо. Раньше на Эсфадосе жили

только драканы и люди. Человеческие миссионеры пытались раскрыть драканам глаза, что наш Триединый — милосердный бог и всех принимает под свое крыло. Говорят, нашлись те, кто проникся страстными убедительными речами, и на границе владений двух народов невольно началось смешение рас и религий. Так и появились первые драки — полукровки под знаменем Триединого. Темные не любят чужаков, поэтому драков не приняли, а отступников веры Темного бога выгнали из родных кланов. Со временем образовалось Пограничье — Великое царство драков.

— То есть мы владеем магией? Я владею? — прохрипела я, наконец выдав задевшую мое сознание мысль.

— Конечно! Сафира, я же сказала, что чистокровные драки — потомки первых полукровок, чья кровь больше не разбавлялась человеческой, — сильны энергетически.

— Про энергию я понимаю, а вот про магию не совсем. В чем она заключается?

— В умении чувствовать и управлять энергетическими потоками земли! Но...

Дослушать Ноэль я не успела: в очередной раз провалилась в чужие воспоминания.

* * *

Пушистые облака медленно плыли по вечернему небу, расцвеченному красками заката и прошитому лучами заходящего светила. Стайки птиц носились, наедаясь впрок и готовясь к ночи. Я стояла на площадке центральной башни замка, положив маленькую хрупкую детскую ладошку на каменный «зуб» ограждения, остро ощущая прохладу камня и мелкие песчинки, которые впивались в кожу.

— Сафи, доченька, ты чувствуешь его? — прозвучал рядом нежный женский голос.

Я повернула голову и увидела невероятно красивую золотоволосую женщину в желтом бархатном платье, украшенном черной вышивкой на груди и подоле. Мама — леди Амалия!

В ее золотых глазах светилась любовь и... затаенная печаль.

— Камень холодный, мама! — ответила я.

Леди Амалия подошла ко мне вплотную и обняла, прижав к животу, защищая от пронизывающего ветра. Затем положила свою ладонь на мою и тихо произнесла:

— Детка, в твоих венах бежит чистая кровь лордов Дернейских — владельцев замка, построивших его. Придет время, когда Хемвиль будет полностью принадлежать тебе! Это значит, что даже камень на твоей земле не может быть холодным. Надо лишь прислушаться к себе, открыться внутренне, будто потайную дверцу в груди найти, и позвать поток... обогреть, поделиться своими чувствами...

— Но почему? — удивилась я. — Это всего лишь камень...

За мягким ласковым смехом последовал поучительный ответ:

— Сафи, просто прими это для себя и запомни! Хемвиль — часть тебя. Когда ты созреешь как женщина, сможешь чувствовать его и, может быть, даже полюбишь...

— Как ты? — тихо спросила я.

Мама тоскливо посмотрела вдаль, словно всей душой желала улететь туда. На серебристых чешуйках, украшавших ее лоб и скулы, отразились красноватые отсветы заката, придавая ей таинственности и в то же время — мрачности. Блестящие желтые глаза смотрели печально. Она обвела рукой все, что виделось с башни, и заговорила:

— Посмотри на окружающую красоту! Каждая драка — это источник силы, который

питает землю энергией. От драки зависит, насколько богат и щедр этот источник. И чем больше ее любовь к своей земле и дому, тем плодороднее край, богаче жители и владельцы. Наши женщины — словно матери или возлюбленные для своих земель и замков. Благодаря нам веками стоят крепкими здания, в год собирают несколько урожаев. Вспомни, ведь не зря же к нам из человеческих королевств стекаются новые вилланы, желающие жить здесь, растить своих детей в довольстве и сытости. Приграничье — благодатный край для земледельцев и ремесленников...

— А ты любишь Хемвиль? — совсем тихо спросила я.

— Нет, но ради тебя я отдаю ему причитающееся! Не бойся, тебе достанется хорошее наследство.

— А почему не любишь? — Я обняла тонкую талию матери, прижимаясь к ней.

— Когда повзрослеешь, ты поймешь почему. — Леди Амалия тяжело вздохнула: — Просто... к земле драку, не рожденную на ней, может привязать либо любовь к ее владельцу, либо брачный союз, связанный кровью через детей. Поэтому будь осторожна со своими чувствами.

— Я знаю, ты не любишь папу! — запальчиво буркнула я, уткнувшись лбом маме в живот.

Ладони леди Амалии легли мне на голову и привычно погладили, зарываясь в волосы.

— Он заставил меня выйти за него замуж. Я любила другого мужчину, но права выбора мне не дали... — В глухом мамином голосе звучала застарелая обида.

— Мамочка, но зачем же заставлять? Разве можно заставить любить? — удивилась я.

— Чистокровных драк все меньше, а желающих иметь процветающее богатое хозяйство — все больше. У людей периодически случаются то войны, то голод, а урожайные поля и тучная скотина в наших приграничных землях вызывают зависть... Мы чаще смешиваемся с людьми, и женщины, рожденные от таких союзов, теряют способность влиять на землю. Твой отец... — Амалия снова тяжело вздохнула, подбирая слова. — Хемвиль после набега стоял разоренный, твои бабушка и дедушка погибли. Калем тогда служил правителю соседнего королевства и по возвращении пришел в ярость. Бедным он быть не привык и не желал оставаться таковым. Мужчины драки «пустые», источники — в женщинах, и, чтобы восстановить этот замок и землю, нужна была сильная хозяйка, чистокровная... Другие свободные драки принадлежали крепким семьям и надежно охранялись, а я... меня просто выкрали и против воли привязали к Хемвилю.

— Мамочка, я тебя очень-очень люблю! За всех сразу... — шепнула я, стискивая ручками мамину талию.

— Я знаю, свет мой. И потому спасла поместье от разорения и... — Она оборвала себя на полуслове, а затем сменила тему: — Посмотри, — снова обвела рукой вокруг, — все это твое, до самого горизонта!

— Пока еще мое! — прозвучал за нашими спинами грозный голос отца. — Хемвиль вряд ли достанется Сафире!

— Почему? — вкрадчиво прошипела леди Амалия, пряча меня за спину.

— Потому что следующим наследником станет восемнадцатый лорд Дернейский, а не девчонка.

— А Сафира как же? — тихо, с угрозой спросила мама. — Или продашь подороже, как свою тетку?

— Не тебе решать, Амалия! — злобно рыкнул отец. — Твоя обязанность — родить мне

наследника!

— Этого не будет никогда! Судьбу моей дочери испоганить я не позволю! — гордо заявила леди Амалия.

— Сафира, иди к себе! — в гневе приказал лорд Калем.

Мама подтолкнула меня к лестнице, хоть я и сопротивлялась, и ласково шепнула на ухо:

— Иди, малышка, я позабочусь обо всем.

Спускаясь вниз по лестнице, я оглянулась. Ветер трепал подол желтого маминого платья. Казалось, что она бьется, словно птица, и никак не может взлететь. В тот день я в последний раз ощутила тепло, ласку и любовь. И главное — видела мамочку живой! Но она сдержала слово: позаботилась о том, чтобы Хемвиль стал только моим. Пусть и жестоко!

* * *

Я проснулась, когда свет уже не проникал сквозь щель в ставнях. За окном, надо полагать, был вечер, потому что свечи еще горели. Брови уснувшей рядом Ноэль даже во сне были тревожно сведены к переносице. Укрыв подопечную одеялом, погладила ее по русой голове. Бедные, бедные девочки Сафира и Ноэль! Сколько же им пришлось пережить в этом мире?! А главное — что еще предстоит пережить мне самой?

Тяжело вздохнув, тут же ощутила, как болезненно напрягаются мышцы вокруг раны, села, а затем, осторожно спустившись с кровати, побрела к стоявшему в углу ночному горшку. Пока устраивалась на нем, поняла, что из-за ранения за две недели вынужденного покоя это тело пришло в плачевное состояние. Я буквально по стене сползала на чертов средневековый туалет. Не-ет, в таком калечном состоянии в суровом мире выжить нельзя. Надо приводить себя в порядок! С момента, как очнулась, я наконец полностью освоилась с новообретенным телом. Еще бы память прежней хозяйки научиться контролировать, вызывая к ее закромам исключительно по необходимости, а то пока получается только отключаться.

На трясущихся от слабости ногах добралась до сундука, на котором стоял поднос с едой, пристроившись с краю, поужинала. Теперь основная задача — восстановиться как можно быстрее.

В слабом свете свечей минут пять снова изучала себя в зеркале, привыкая, «обживая», принимая. Дрожащие в пламени свечей тени играли на моем осунувшемся лице. Желтые глаза поблескивали нездоровым блеском, а темные круги подчеркивали усталость и бледность. Поскребла чешуйки на лбу и висках и невольно хихикнула — щекотно. Погримасничала и показала самой себе язык. Потрогала золотисто-серебристую копну спутанных во сне волос на макушке — мягкие и в то же время упругие. Отложив зеркало в сторону, раздвинула широкий ворот рубахи и присмотрелась к рубцу под грудиной. Хорошо заживает, вероятно, со временем останется лишь небольшой белый шрамик. Осталось узнать: откуда он взялся?

Столько вопросов, на которые пока нет ответов. Ноэль спит, а я трясусь от страха, только что костями не гремлю. Меня до дрожи пугает этот средневековый мир. Страшит неопределенность моего положения, а радуется только статус вдовы. Если исходить из собственных знаний земных законов «того» времени, то статус вдовы должен давать больше свободы, независимости и нести меньше условностей. Но с учетом реалий Эсфадоса ничейная чистокровная драка с целым замком в придачу может вызвать нездоровый ажиотаж

среди мужского населения и нарваться на различные неприятности. А нас с Ноэль таких двое — «золотых» курочек. Боже, где я очутилась?! Сама почти беспомощный ребенок в этом мире, да еще и несу ответственность за одинокую несчастную девочку.

Обхватив свои худенькие костлявые плечи, передернулась от холода и сырости этого почти подземелья. Невольно решила, что в монашки точно подаваться не хочу, даже в крайнем случае! Добровольно заключить себя в этом склепе?.. Нет уж!

Сделала над собой усилие, чтобы встать, и начала ходить от одной стены до другой и обратно. Мышцы надо разрабатывать — это я хорошо помнила: аппендицит мне вырезали лет в шестнадцать и подняться заставили уже на следующий день. Пошаркав туда-сюда, согрелась и устала, выпила молока и улеглась спать. Все, с завтрашнего дня начинаю новую жизнь!

Приоткрыв глаза, осмотрела келью — никого, а за окном утро: в узкой полоске солнечного света, проникавшей в щель между ставнями, плясали пылинки. Доносился монотонный шум монастырской обители: приглушенные голоса, шорох шагов, звуки, издаваемые домашними животными...

Вытащила из-под одеяла руки и потянулась, сладко зевнув. Мое внимание опять привлекли браслет и кольцо на правой руке. Оригинальные, красивые, но уж слишком громоздкие. Повертела браслет на запястье. Не снимается, видно, с секретом. Тяжеловесное необычное украшение довольно сильно мешалось, мало того, золотая цепочка, тянущаяся к кольцу на пальце, явно доставит дополнительное неудобство. Браслет сполз до самой кисти, цепочка провисла и наверняка будет за все цепляться при каждом неосторожном движении.

Пока я размышляла, как избавиться от произведения здешнего ювелирного искусства, пришла Ноэль с завтраком. Я с удовлетворением отметила, что сегодня она была хорошо одета, шла легко, как и положено девушке, не хромала и, судя по искренней светлой улыбке, была рада видеть меня бодрствующей. Хотя, присев на кровать, с намерением вместе позавтракать, она все же бросила неуверенный опасливый взгляд, проверив: вдруг я изменила свое мнение о нашем равенстве.

— Доброе утро, сестричка! — Я широко, от чистого сердца, улыбнулась. — Что нам дали на завтрак?

И снова девушка посмотрела на меня с робкой надеждой, на ее бесхитростном лице открыто читалось: «Только не меняйся снова в худшую сторону, не бросай меня одну».

— Кашу, Сафира! И свежего хлеба с медом. Сестра Аниза сказала, что он тебе сейчас особенно полезен.

— На все согласна, такая голодная, — потерла я ладошки в предвкушении.

Запивая последний кусочек хлеба ягодным отваром, в который мы по моему совету добавили меда, чтобы получился морс, я поинтересовалась:

— Ноэль, подскажи, как этот браслет снять? — Досадливо потрясла кистью и раздраженно добавила: — Он тяжелый, болтается и мешает...

Девушка откинула назад русую косу, наклонилась над моей рукой, потрогала браслет и удивилась:

— Хм, странно! С момента активации держался как влитой, его даже сдвинуть с места было невозможно. Насколько я понимаю, он не должен так болтаться.

Ноэль подняла на меня глаза и хрипло добавила:

— Пока ты не очнулась, он не двигался. И мешал за тобой ухаживать...

Не видя причины для испуга, что отразился в глазах сестры по несчастью, я пожала плечами, предположив:

— Наверное, похудела сильно.

— Да, похудела ты сильно, но... — Она замолчала, подбирая слова.

— В любом случае не страшно! — решительно заявила я. — А будет дальше мешаться, распилим и снимем! Просто любопытно, как его вообще мне на руку надели? Тем более, если раньше я была не такой тощей...

С улыбкой посмотрела на Ноэль, ожидая поддержки, но та побледнела и испуганно уставилась на меня, по всей вероятности, не зная, что ответить.

Сглотнув от плохого предчувствия и с трудом поборов желание втянуть голову в плечи, выслушивая очередные плохие новости, я жалобно попросила:

— Ноэль, говори уж как есть. Лучше сразу и сейчас, чем потом, когда будет поздно.

Она нервно хихикнула, затем сморщила нос, сняв поднос с моих коленей, переставила на табурет возле постели и выдохнула:

— Уже поздно!

— В каком смысле? — хрипло переспросила я.

— Снимать поздно, миледи!

— Да говори ты толком! — не выдержала я напряжения. — И без «миледи».

— Это брачный циль! Который нельзя снять, распилить — тоже. После активации можно удалить лишь с рукой обладателя, либо умереть вместе с ним. Его на тебя надел муж во время церемонии бракосочетания.

Какое облегчение! Ощущение, что гора с плеч свалилась!

— Ну ты меня напугала... — выдохнула я с улыбкой, даже не заметив, что затаила дыхание, пока слушала. Рассмеялась и махнула рукой, беззаботно заявив: — А, пусть висит! Мой муженек, мерзкий голубой садист, к счастью, помер, так что этот наручник будет приятным напоминанием о моем избавлении.

Взглянув на погрустневшую рассказчицу, я резко перестала смеяться и, похолодев в предчувствии очередной пакости, тихо спросила:

— Я еще чего-то не знаю?

Драка облизала губы, а потом словно в прорубь нырнула:

— Миледи, вы стали вдовой лорда Мердока Револейского и одновременно умер ваш отец. Лорд Калем планировал жить долго, управлять Хемвилем, командовать вами с мужем. Более того — передать право на имущество своему будущему внуку, потомку лордов Дернейских. И, понятное дело, не успел заявить вас как независимую наследницу...

— И что? — хрипло спросила я. А потом предположила: — Мы лишились наследства?

Ноэль опустила голову, сжала кулаки на коленях и ответила:

— Это невозможно по закону Великого царства драков. Вы — единственная прямая наследница, а я имею право второй очереди. Но найти способ обойти любой закон всегда можно.

Остаться без поместья, конечно, нежелательный вариант, но сейчас мне показалось — это не самое худшее, что может произойти. И содержимое окружающих сундуков я видела. Так почему же родственница стала бледнее простыни?

— Быстрее, Ноэль, а то, того и гляди, стемнеет, когда я наконец разужнаю все подробности, — мягко попеняла я.

Девушка, все так же не поднимая взгляда от своих кулаков, тихо ответила:

— Лорд Хасин Револейский, дядя вашего покойного супруга, заявил право на вашу опеку как ближайший родственник. Хемвиль теперь под ним...

Я снова с облегчением выдохнула, только уже не спеша радоваться — мало ли что.

— Милая, с нашими талантами на землю влиять мы голодными не останемся. И драгоценности у нас есть... продадим. Проживем как-нибудь и без Хемвиля!

Драка усмехнулась устало и пугающе мрачно. А потом бесцветным голосом напомнила:

— Сафира, я же сказала: ты — наследница Хемвиля. Пока ты жива и свободна, он не смог бы чувствовать себя в безопасности, по-хозяйски распоряжаясь замком.

— Это он меня пытался убить? — догадалась я, обмирая.

Ноэль вскинула на меня удивленный взгляд, тряхнула головой, по всей видимости, вспомнив о моей «амнезии». Так знакомо поморщилась и добила:

— Нет! Ты сама... себя пыталась убить!

— Я?... Сама?... — У меня даже в голове не укладывалось.

— Да! — кивнула драка. — Я видела своими глазами. Хотя остальным сказали, что на тебя напали грабители.

— Но почему? — ужаснулась я, хотя, припомнив чувства, когда душа несчастной Сафиры мимо пролетала, поняла почему. У меня невольно вырвалось недоумение: — Ведь... она... получила свободу...

— Свободу? — едко процедила Ноэль. — Свободы у нас не было и никогда не будет! — Затем запальчиво и торопливо начала выкладывать все остальное: — Хасин, узнав о смерти твоего отца, поторопился к нам в замок. Сумасшедшая, смертельно опасная женщина под боком ему не нужна, вот он и... согласился.

— На что?

— Избавиться от тебя и... от меня! — Драка вскочила с кровати и, тяжело дыша от волнения и злости, продолжила возмущаться: — Убил двух уток одной стрелой! Тебя, в сущности, подарили темным, отдав за чисто символическую плату, а меня отправили следом за сумасшедшей, якобы для пригляда, а на самом деле... чтобы загнулась там... на темных землях. Вот и нет двух наследниц, и Хемвиль по закону достается безземельному подлому Револейскому. Лорд Калем, наверное, никогда не сможет упокоиться с миром, ведь его родовое гнездо больше никогда не достанется Дернейским. Ну и поделом ему, за грехи и черное мертвое сердце!

Я слушала горькие речи Ноэль, впервые за время, проведенное с ней, увидев ее столь возбужденной и неистойвой, и чувствовала, что меня тоже колотит от злости и обреченности! Я — подарок? Бонус? Теперь понятно, почему Сафира предпочла умереть. А как мне жить дальше? Что делать подарку темным? Тем, которые, по словам Ноэль, хуже зверей...

— В каком смысле — подарили? Разве можно подарить аристократку? Наследницу огромного состояния? Ты же сама сказала, что я... что мы... — Мой голос дрожал от страха, подкативших к горлу слез и обиды.

Девушка сникла, а я, опершись ладонями о постель, подалась к ней, ожидая ответа, что жизненно важен для меня. Она присела на краешек кровати и голосом, лишенным эмоций, очевидно устав сопротивляться судьбе, начала рассказывать:

— На похороны сразу двух лордов в Хемвиль неожиданно явился глава одного из кланов драканов... Ваши поместья расположены по соседству вдоль Великой реки Пограничья. И стоило распространиться новости, что земля с нашей стороны потеряла владельцев, он забеспокоился. А в замке, узрев тебя, возжелал. Я видела его плотоядный взгляд, которым он буквально поедал твое тело... следил, как хищник...

— И что? — Я невольно передернула плечами. — Ты же сказала, что драканы не любят чужаков? Даже драков — по сути, иноверцев. И не пускают на свою территорию.

Ноэль горько хмыкнула:

— Ты — двухцветная, сильная драка, Сафира. И этим все сказано!

— Я не понимаю! — в отчаянии воскликнула я.

— За рекой начинаются горы и простираются на многие-многие лиги вокруг. Ты чистокровная двухцветная драка, которая сможет принести пользу тому дикому краю. Сделать его более плодородным, богатым... За это можно простить твою «светлость» и

смешанную кровь.

— Ноэль, подожди! Но на темных землях другим не выжить, ты сама сказала!

— Можно! Такой, как ты, — можно! Если тебя привязать кровью к земле. Кровью дракана и детьми от него! Как они сказали, ты легко справишься с влиянием их земли и магии. Хотя этим обещанием они заметно огорчили дядюшку Мердока. Он-то размечтался вскоре похоронить оставшихся в живых наследниц Дернейских.

Я в ужасе обхватила ледяными ладонями свое лицо и сипло выдохнула:

— Но почему? Ведь этому клятому Хасину я как чистокровная тоже нужна. Зачем ценными кадрами разбрасываться?

— Чем? — не поняла Ноэль.

— Женщинами, способными сделать его богатым! — спешно поправились я.

— Если бы ты помнила себя до... ранения, то поняла бы. С тобой прежней договориться было невозможно. — Ноэль тяжело вздохнула: — Ты пыталась убить Хасина, едва тот заикнулся, что возьмет над тобой опеку. Хемвиль был почти в твоих руках, ты громко кричала, что свободна...

— А ты? — тихо спросила я, обрывая ее. — Почему тебя... отдали?

— Не знаю, Сафи, — устало ответила она. — Служанки шептались, что дядюшка Мердока не далеко ушел в интимных пристрастиях от племянника. И, как такому же безземельному дворянину, ему будет достаточно того, что принесет Хемвиль и без хозяйки. Люди же как-то живут... А я... я — твоя тень, и многие считают, что тоже... такая же.

— Ясно! — выдохнула я. — Что теперь?

— В каком смысле?

— Зачем я... темному хищнику дракану? — Я словно погружалась в беспросветный мрак.

Ноэль в который раз пожала плечами, задумчиво покусала полную нижнюю губу и осторожно ответила:

— Я подслушала разговор Хасина с его помощником. Он чуть ли не плевался желчью, когда говорил, что драканы такие же ненормальные, как и... — Девушка запнулась. — Ты. Если чего-то сильно захотели, с пути не свернут. Поэтому люди и драки очень осторожно ведут с ними дела, чтобы врагов в их лице не наживать, а то убьют или отомстят...

— Простое желание плоти? — усомнилась я.

Ноэль поморщилась — она, видимо, к сексу относилась с огромным предубеждением. Но уверенно парировала:

— Хасин с помощником тоже удивлялись, отчего дракан так крепко на тебя запал, ведь красивых баб много... Но захотел он тебя, и все...

— И в качестве кого меня подарили темному? Или сразу всем темным? — готовясь к самому жуткому, спросила я. Потрясла рукой с украшением и добавила: — Это браслет невольницы?

Голубые глаза Ноэль распахнулись в искреннем недоумении. Бесспорно, моя попытка пошутить была совсем дурацкой.

— Это брачный браслет драканов — цель! Уже почти три седмицы назад вы стали супругой гранта Сэбиана Керо. Теперь вы миледи Сафира Керо — хозяйка целого клана темных.

— Женой? Снова? — придушенно выдохнула я.

А дальше память Сафиры вновь поглотила меня и выбросила среди очередного кошмара.

Свет факела разгонял темноту в каменном коридоре, пламя буквально лизало стены, позволяя рассмотреть бесконечные щербинки и копоть. Приподняв тяжелый подол теплого шерстяного платья, я спускалась по спиральной лестнице вниз, за идущим впереди мужчиной. Одним из прибывших вместе с этим ублюдком — Хасином Револейским. Чувствовала омерзительный запах пота, исходивший от сопровождающего, и внутри меня почти осязаемо восставала неистовая, всепоглощающая ненависть к родственнику, нагрянувшему в Хемвиль явно с целью чем-нибудь поживиться. Но ничего, я позабочусь и о тебе, дядюшка. Отправлю вслед за племянничком, своим бывшим никчемным муженьком...

Сзади раздавались робкие шаги и шелест платья: Ноэль привычно следовала за мной. Мне кажется, она уже настолько свыклась со статусом моей тени, что не мыслит своего жалкого существования иначе.

Наконец ступеньки закончились, мы вышли на площадку, ведущую в замковый зал. Сюда доносились гул голосов, звяканье посуды и кубков, а из-за вечных сквозняков — вонь невымытых мужских тел и запах горящих свечей и факелов. Ненавижу мужчин, будь они все прокляты!

Слава Триединому, мне не к обедавшим «гостям» и замковым рыцарям! Спрятав сжатые кулаки в складках ткани, не торопясь, вошла в бывший кабинет отца, дверь в который располагалась с правой стороны от лестницы. После похорон эта комната моя! Да, в первые дни пришлось заставлять себя приходиться сюда, где меня столько лет частенько наказывали хлыстом или тяжелым кулаком. Но теперь я свободна, теперь я хозяйка, теперь я... Свобода пьянит похлеще хмеля, заставляет кровь бурлить, а сердце в груди — гореть от долгожданного счастья.

— О-о-о, дорогая племянница, благодарствую, что соизволила почтить нас своим присутствием... — язвительно-насмешливо приветствовал меня лорд Хасин Револейский.

— Только за тем, чтобы напомнить: тебя здесь лишь терпят! — тихо, но с угрозой прошипела я.

Привычно глядя в пол, увидела, как ко мне приближаются темные сапоги из кожи прекрасной выделки. И едва не задохнулась от тяжелой удушливой волны бешенства: полунищий Хасин посмел рыться в вещах отца. Не важно, что месяц назад, после похорон, я хотела сжечь все, что напоминало о покойном родителе. Все равно наглый приبلудный драк не имел права трогать здесь что-либо без моего позволения. Тем более заходить в кабинет... мой.

— Так думаешь только ты, Сафира! А вот остальные знают, что Хемвиль теперь мой! — прошипел над моим ухом родственник проклятого богами Мердока.

Я заставила себя медленно поднять голову и посмотреть в ледяные голубые глаза выскочки, даже не обратившегося ко мне, как положено к леди, замыслившего отобрать у меня свободу, и предупредила:

— Прежде чем Хемвиль станет твоим, ты сдохнешь, как твой племянник!

Позади испуганно всхлипнула Ноэль, но я не обернулась. Хасин пропустил угрозу мимо ушей, скривил породистое лицо в мрачной усмешке и придвинулся вплотную, нависая, подавляя. Я лишь злобно рассмеялась. Мужчина вздрогнул, но, видимо, собственный страх передо мной взбесил его. Обхватил мой подбородок сильными длинными пальцами, не

позволяя вырваться, и прорычал в лицо, обдавая запахом чеснока и брызжа слюной от переизбытка эмоций:

— Вчера я дал согласие на твой брак с драканом. Грант Керо выразил желание забрать тебя в свой клан. Наши земли граничат вдоль Великой реки. А таким, как он, не принято в чем-то отказывать. Так что...

Я изловчилась и оттолкнула от себя Револейского с такой силой, что он покачнулся и чуть не упал, отступая.

— Ты не можешь распоряжаться моей жизнью! Никто больше не может! — заорала я в гнев. — Я свободна, я...

— Лорд Калем не успел подтвердить твое независимое наследование Хемвиля, — с мрачной удовлетворенной ухмылкой процедил Хасин, поправляя на себе камзол. — А я — ближайший родственник по мужской линии. Так что как опекун высокородной чистокровной драки по закону могу дать разрешение на брак подопечной без ее на то согласия!

В голове зашумело, в глазах потемнело от всепоглощающей ярости, злобы и ненависти. Выхватила из потайного кармана платья тонкий кинжал и кинулась на ненавистного лорда, посмеявшегося не только ограничить меня в правах, но и продать дракану. Кошкой прыгнула ему на грудь и замахнулась для удара в самое сердце. Но противник оказался расторопным и успел отклониться. Мы упали и катались по полу, пытаюсь вырвать один у другого оружие и запутываясь в подоле моего платья. Через несколько секунд борьбы — скорее всего лютая ненависть придала мне сил справиться с мужчиной, не ожидавшим подобного от леди, — я всадила клинок ему плечо и взревела от торжествующей злобы и ненависти... Ненадолго! Меня схватил под мышки и оттащил ворвавшийся в кабинет главный прихвостень, вероятно и любовник, Хасина.

Краем глаза я заметила прижавшуюся к стене Ноэль, белую как полотно, круглыми от ужаса глазами наблюдающую за происходящим. К моему глубокому сожалению, раненый лорд с перекошенным от страха и боли лицом, шипя сквозь стиснутые зубы, вытащил кинжал из плеча и отбросил в сторону. Зажав рану, Хасин прохрипел:

— Обряд бракосочетания с драканом состоится завтра! Он торопится домой!

— Я прикончу тебя! Слышишь, зарежу, как свинью... я...

Мои крики он оборвал с мрачной решимостью:

— Попробуй только отказаться завтра принять его брачный браслет — пожалеешь, что родилась на свет. Если ты хоть слово скажешь против, пока находишься в Хемвиле, сожгу и тебя, и замок следом. Если он не достанется мне, значит — никому!

— Тебе не позволят! — прорычала с ненавистью. — Я...

— Мне? — захохотал новоявленный хозяин, потом скрипнул зубами от боли. — Ты — сумасшедшая баба, и каждый в округе об этом знает. Да половина обитателей замка считает, что ты проклята. Что весь ваш род Дернейских проклятый. Пятнадцать лет назад земли Хемвиля ломались от богатых урожаев. Но Амалия, зарезанная твоим полоумным жадным отцом, в могиле, и что теперь творится здесь?

Не в силах молча вынести такого обвинения, невольно оправдалась, словно передо мной снова стоял отец:

— Я не успела войти в полную силу... и все из-за Мердока! А теперь позабочусь о своей земле, она опять станет богатой и... — Замолчала, увидев холодный презрительный взгляд ненавистного драка.

Он схватил старую, вышитую еще мамой скатерку с тумбы и, приложив к раненому

плечу, процедил:

— Тебя хочет взять в жены Кери. И мне нет резона отказывать дракану в его желании.

Решение принято!

Я сжала кулаки, потому что руки безнадежно дрожали, и просипела, потому что горло свело от отчаяния и злости:

— Рассчитываешь, что я там сдохну?

Хасин скривился в злобной усмешке и предупредил:

— На все воля Триединого. Но запомни: если пикнешь хоть слово завтра во время обряда, то послезавтра вместе со своей тенью Ноэль взойдешь на костер. Я всем докажу, что вы черные колдуньи и продались темным. — Поморщившись от боли в плече, он мстительно добавил: — Этого жениха сюда сам бог послал. Теперь ни один виллан не поверит, что дракан от нечего делать в Хемвиль пожаловал. Этих зверей боятся как огня. А если откажешь ему, твоя же челядь мне поможет. Сначала сдерет с собственной хозяйки шкуру, а потом медленно поджарит!

— Что б ты сдох, проклятый! — взвыла я и вновь кинулась на него.

Не судьба — по темечку досталось тяжелым кулаком. Погружаясь в темноту, я услышала:

— После тебя, Сафира!

Беспомощно болтаясь между сном и явью, я слышала, как рядом Ноэль сквозь слезы шепчет молитвы, поглаживая меня по руке, а память Сафиры между тем подбрасывала новые и новые эпизоды из ее невыносимо тяжелой и безрадостной жизни. Наконец рассмотрела отражение миледи в высоком мутноватом зеркале: стройная молоденькая блондинка с бледной кожей, одетая в красное парчовое платье, обильно вышитое черными рунами. Память бывшей владелицы тела услужливо подсказала — это традиционный свадебный наряд драки, и я уже второй раз за небольшой промежуток времени его надеваю. Невеста медленно перевела взгляд и внимательно посмотрела в глаза своему отражению, а я в этот момент мысленно вздрогнула от страха. Таких пустых, словно мертвых, глаз не может быть у живого существа, пусть даже и не человека. В сумрачном свете комнаты черный росчерк зрачка расширился, сделавшись пульсирующей, зловещей, безумной щелью на золотом фоне радужки, а черты лица словно окаменели, превратившись в мраморную маску вечного страдания и муки.

Неужели она выглядела вот так? Я выглядела вот так?..

Затем я оказалась в огромном зале Хемвиля, и глубокий, пробирающий до самых костей, хрипловатый мужской голос у меня за спиной ледяным тоном поинтересовался:

— Вы и впрямь полагаете, что я соглашусь пройти обряд в вашей часовне? Я — темный грант! Мы договорились о брачном союзе по традициям драканов!

— Милорд, вы должны понимать, что леди Сафира Револейская, урожденная Дернейская, — драка. Подданная нашего Великого царства, — вкрадчиво заблеял Хасин Револейский, от чего мое тело задрожало в неистовой, плохо контролируемой жажде убийства, но треск поленьев в очаге заставил остановиться перед последствиями необдуманных шагов. — И соблюдение всех условностей ее бракосочетания необходимо прежде всего для вас.

За зловещим глухим рыком последовало безапелляционное заявление, высказанное тоном, от которого спина моя покрылась холодным потом:

— Я согласен на вашего священника, но церемонию проведем в этом зале!

В мыслях царили паника и ужас. Этот зверь — не Мердок, с таким не справишься, а яды на драканов не действуют. Не убить, не убежать, не... И снова каждую ночь начнутся мучения, да только Керо — отнюдь не слабый никчемный драк. Этот будет драть мою плоть когтями, рвать клыками, и... удар плетью покажется всего-навсего укусом комара в сравнении с возможностями дракана.

Та Сафира задыхалась от страха, едва не теряя сознание, а я, лежа на кровати, погруженная в ее воспоминания, пыталась разжать стиснутые зубы и глотнуть воздуха, наполненного запахом свечей и горящих в камине дров. И вырвать себя из чужих кошмаров, но никак не выходило...

Десятки безликих силуэтов вокруг: челядь, рыцари и самые богатые вилланы Хемвиля — явились засвидетельствовать следующий брак наследницы поместья. Лорд Револейский, стоящий рядом, выглядел не лучшим образом: бледен и покрыт испариной. Полученная накануне рана доставляет ему массу хлопот, а мне — злобную мстительную радость, еще и потому, что рассказать о ранении он никому не может. Вдруг грант Сэбиан Керо передумает брать в жены буйную сумасшедшую? Тогда чудесный «божественный» план родственника-

опекуна по захвату наследства Дернейских рухнет в одночасье. А я... я застыла до полной неподвижности, до спазма в горле. Но это к лучшему, потому что открыть рот означает приговорить себя к сожжению. Проходимец Хасин непременно выполнит угрозу. Ведь ему все равно, каким образом захватить мое наследство. Но молчание — это тоже смерть, только души. Медленная и не менее мучительная, чем на костре.

Из лихорадочных раздумий вырвал голос священника, объявившего меня супругой... дракана. Две огромные смуглые руки с когтями, которые будут калечить мое тело, обхватили кисть. Надели на палец кольцо и защелкнули на запястье браслет. Едва слышный щелчок отозвался в моих ушах, словно грохот засовов на клетке в подвале замка, и угрожающим эхом разнесся до самых потаенных уголков души. Дальше я в ужасе, не в силах пальцем пошевелить, наблюдала, как дракан когтем порезал свою ладонь, а затем, заставив вскрикнуть, — мою. Соединил наши руки, смешивая кровь, тягуче запел...

«Проклятый, проклятый, проклятый... — все внутри меня кричало от омерзения, — проклятый темный, черный маг!»

Запястье горело под браслетом, будто я уже на костре, а металл побелел, навечно смыкая края, становясь монолитным и буквально сплавляясь с моей кожей. Черный колдун, проклятый дракан и моя погибель...

— Теперь мы связаны, Сафира! — Надо мной раздался глухой ненавистный голос. Темный коготь коснулся кольца на моем пальце. — Это моя душа, она привязана к тебе. Пока ты жива, для меня не будет другой женщины. — Затем, скользнув когтем по цепочке, скрепляющей два украшения, указал на браслет и прошептал на ухо, обдавая кожу горячим дыханием, лишь чудом не заставив меня отскочить в сторону от отвращения: — А этот браслет теперь крепко держит твою душу в моих объятиях, и для тебя не будет другого мужчины.

Я больше не могла сдерживаться, и маленькая девочка во мне зашептала, мысленно отстраняясь от всего: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...» Так легче выжить, так проще пережить.

Мою руку отпустили с неохотой, так и не дождавшись ни одного слова в ответ. Я резко отшатнулась в сторону, не посмеяв поднять глаза на нового мужа, чтобы как следует разглядеть. Внутреннее, свихнувшееся и запуганное «я» видело не то темную, смертельно опасную фигуру, не то черную каменную статую, которая грозила задавить без сожалений, без раздумий. И тьма накатывала волнами, заставляя задыхаться от безысходности и отчаяния: выхода больше нет, выбора нет, а свобода, поманив призрачным крылом, растворилась в небытии...

Я проиграла все и окончательно! Прости, мама, я подвела тебя, не исполнила твою мечту. Хемвиль никогда не будет моим. Твоя смерть была совершенно напрасной. Как и мои мучения!

* * *

«Прости, прости, прости...» — невольно шептали мои губы, а сознание мучительно выпутывалось из чужих липучих, словно паутина, сумерек.

— Сафи, очнись, пожалуйста, очнись... — плакала рядом Ноэль.

Наконец я открыла глаза и прохрипела:

— Дай воды, пожалуйста.

Затем, захлебываясь и обливаясь, глотала живительную влагу, смачивая пересохшее от волнения горло, смывая горький привкус жутких воспоминаний. Вернула кружку кухне и судорожно обвела келью испуганным взглядом. Я тут, а не там, значит, все происшедшее в прошлом. В «ее» прошлом, не моем. А я — нормальная! И даже Ира, мачеха, неплохо ко мне относилась. Жаль, в последнее время на фоне кризиса среднего возраста и материального положения изменилась. И отец меня любил... как умел, и подруги были замечательные и душевные, коллеги уважали и ценили — вообще хорошо жилось, а тут... Бр-р-р!!!

Хлопнувшись на такую же сырую, как и моя рубашка, подушку, я пожалела не только себя. Надо же, такой кошмар приснился, что потом прошибло. Это же какие стальные канаты вместо нервов бывшей владелице этого тела иметь надо было?! Ведь даже меня, глядя на творившееся в Хемвиле, потрясло до основания.

— Сафи... с тобой все в порядке? — испуганно и осторожно, словно душевнобольную, спросила Ноэль.

[Купить полную версию книги](#)